

Международное высшее образование

ВЫПУСК

94

Лето
2018

Движение #MeToo
и гендерные вопросы

Интернационализация
и международные вопросы

Массовизация
и качество

Публикации
и журналы

Новый взгляд на частное
высшее образование

Взгляд
из Африки

Страны
и регионы

Русскоязычная версия информационного бюллетеня
International Higher Education (Бостонский колледж, США)

СИНЕ

Центр по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже (США) занимается теоретическими разработками и проводит междисциплинарные исследования в области высшего образования на мировом уровне. Основной задачей центра является распространение актуального, аналитически осмысленного знания о состоянии, тенденциях развития, структуре и основных проблемах международного высшего образования. Руководит центром профессор Ханс де Вит, известный специалист и исследователь международного уровня в области интернационализации высшего образования.

Среди направлений деятельности центра ключевыми являются издание ежеквартального бюллетеня International Higher Education, содержащего лучшие научные разработки и статьи о важных изменениях в области высшей школы на примере локальных, региональных и международных кейсов; отбор

и издание книг и монографий состоявшихся и молодых исследователей из разных стран; работа по активизации исследований в области высшей школы в странах Африки и других развивающихся странах; мониторинг коррупции в сфере высшего образования, а также работа, связанная с кросс-культурным взаимодействием университетов и исследователей.

Центр по изучению международного высшего образования — стратегический партнер ИНИИ НИУ ВШЭ, в сотрудничестве с которым реализован целый ряд исследовательских проектов. Новым этапом совместной деятельности является подписание соглашения о передаче прав на издание и распространение бюллетеня на русском языке.

<http://www.bc.edu/research/cihe/>

НИУ ВШЭ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» является крупнейшим центром социально-экономических исследований и признанным лидером высшего образования в Восточной Европе. Университет активно и успешно занимается исследовательскими разработками в области менеджмента, социологии, политологии, философии, международных отношений, математики, востоковедения и журналистики, объединенных базовыми принципами современной экономической науки.

Преподаватели и сотрудники университета принимают значимое участие в развитии социальных и экономических преобразований в Российской Федерации. Путем проведения системного анализа и комплексных междисциплинарных исследований университет транслирует актуальные экономические знания правительству, бизнес-сообществу и гражданскому обществу.

На базе Высшей школы экономики функционируют 50 исследовательских центров и 37 международных лабораторий, которые занимаются реализацией прикладных и фундаментальных исследований. Одним из приоритетных направлений деятельности университета являются исследования в области высшего образования, объединяющие усилия целого ряда коллективов, работающих в соответствии с мировыми стандартами. Национальные и международные группы исследователей — специалистов в области экономики, социологии, психологии и управления разрабатывают и реализуют сравнительные междисциплинарные проекты. Тематика таких исследований включает вопросы развития мировой и российской системы высшего образования, эффективного контракта в образовании, трансформации академической профессии, подготовки образовательных стандартов, моделей оценки эффективности учреждений высшей школы и многие другие.

<http://www.hse.ru/>

Содержание

Международное высшее образование

№94 / Лето 2018

Движение #MeToo и гендерные вопросы

- 6 Меняющаяся повестка: проблемы женщин в латиноамериканском высшем образовании
Альма Мальдонадо-Мальдонадо, Фелиситас Акоста
- 7 Проблема сексуального насилия в африканских вузах
Кристин Дранзоа
- 9 Образовательная польза движения #MeToo
Иоанна Регульска
- 11 Гендер и высшее образование: активизация обсуждений сексуальных домогательств и гендерного неравенства в оплате труда
Эллен Хэйзелкорн
- 13 Сексуальное насилие в эфиопском высшем образовании
Айеначеу Асэффа Волдегийоргис

Интернационализация и международные вопросы

- 15 Вызовет ли брекзит перестройку европейского высшего образования?
Алина Куртуа
- 16 Индия и Китай: два основных центра высшего образования в Азии
Прабхакар Дж. Лавакаре
- 18 Рост числа сверхкоротких зарубежных стажировок японских студентов
Юкико Симми
- 20 «Колледжи-проводники»: новый тип учебных заведений в Канаде
Дейл М. МакКартни, Эми Скотт Меткалф
- 22 Инклюзивная интернационализация: повышение доступности высшего образования
Ханс де Вит, Элспет Джонс

Массовизация и качество

- 24 Достижение положительного эффекта от массовизации образования
Фазал Ризви
- 25 Всеобщий доступ к качественному высшему образованию на Филиппинах
Мигель Антонио Лим, Сильви Ломер, Кристофер Мильора

Публикации и журналы

- 27 «Пирамида из шампанского» в мире естественнонаучных журналов
Сабина Сиберт
- 29 Анализ журналов о высшем образовании
Малкольм Тайт

Новый взгляд на частное высшее образование

- 30 Исчезновение государственной монополии
Дэниел К. Леви
- 32 Новый взгляд на частное высшее образование в Бразилии
Таржину де Араужу Филью

Взгляд из Африки

- 34 Студенческая мобильность и трудоустройство: опыт Эфиопии
Вондвосэн Тамрат, Дэмтью Тефerra
- 35 Обеспечение качества высшего образования в Гане: достижения и трудности
Патрик Суонзи, Патрисио В. Ланга, Фрэнсис Анса

Страны и регионы

- 37 Академический дрейф в китайских университетах прикладных технологий
Вэй Цзин, Энтони Уэлч
- 39 Автономия и публичность университетов в российской системе высшего образования
Андрей Волков, Дара Мельник
- 41 Конкурентные стратегии вьетнамских вузов
До Минь Нгок

Меняющаяся повестка: проблемы женщин в латиноамериканском высшем образовании

**Альма Мальдонадо-Мальдонадо,
Фелиситас Акоста**

Альма Мальдонадо-Мальдонадо — сотрудник Управления образовательных исследований Центра по науке и перспективным исследованиям Национального политехнического института (CINVESTAV) в Мехико, Мексика. E-mail: almaldo2@gmail.com.

Фелиситас Акоста — исследователь и профессор Национального университета округа Хенераль-Сармьенто в Буэнос-Айресе, Аргентина. E-mail: acostafelicitas@gmail.com.

В 2015 году на бразильском телевидении шло кулинарное реалити-шоу MasterChef, 12-летней участнице которого зрители-мужчины начали докучать сообщениями сексуального характера. В связи с этим организация, борющаяся за права женщин, решила запустить в «Твиттере» кампанию против сексуальных домогательств по отношению к молодым женщинам с использованием хэштега #primeiroassedio («Мой первый случай домогательств»). Бразильские женщины подхватили эту волну и стали делиться своим опытом сексуальных домогательств, причем большинство случаев происходило с ними, когда они еще были совсем юными девушками. Год спустя, в 2016 году, жившая в Мехико колумбийская феминистка запустила такую же кампанию на испанском языке. Она использовала аналогичный хэштег — #MiPrimerAcoso («Мой первый случай домогательств»), тем самым осуждая насилие, с которым сталкиваются жительницы Мехико. За несколько дней в этой инициативе приняло участие более 100 000 женщин; они делились своими воспоминаниями о пережитых сексуальных домогательствах. Большинство этих женщин также писало о том, что первые домогательства они пережили в очень юном возрасте, между семью и девятью годами. Насилие в отношении женщин чрезвычайно распространено в Латинской Америке. Более того, Латинская Америка — мировой лидер по количеству убитых женщин.

В большинстве стран Латинской Америки неотъемлемым элементом отношений между полами является так называемая культура мачизма. Жительницы этих стран подвергаются физическому и психологическому насилию и дискриминации, они находятся в ситуации неравенства возможностей, их работа и их профессиональные возможности редко получают заслуженное

признание. За последние 40 лет женщины 10 раз становились президентами латиноамериканских стран: это случалось в Аргентине, Боливии, Бразилии, Коста-Рике, Никарагуа, Панаме, Чили и Эквадоре. Тем не менее роль женщин на руководящих позициях в законодательной сфере, правительстве, промышленности, науке, бизнесе и обществе в целом минимальна. Движения MeToo («Я тоже») и Time's Up («Время вышло»), появившиеся за последний год, посвящены проблеме роли женщин в современном обществе и наглядно демонстрируют случаи, когда мужчины целенаправленно используют свою власть в ущерб женщинам, особенно когда речь идет о женщинах, оказавшихся в уязвимом положении. В этой статье мы поговорим о том, что происходит в этой связи в вузах Латинской Америки.

Женщины в высшем образовании

В Латинской Америке гендерное неравенство в образовании не является такой большой проблемой, как в других регионах мира: в 2013 году в вузах Латинской Америки обучалось в общей сложности 13,15 млн женщин против 10,44 млн мужчин. В целом трудностей с доступом к высшему образованию нет, но есть другие проблемы, и они требуют внимания: например, не все вузы и образовательные программы одинаково доступны для женщин, среди женщин высок уровень отсева по причине ранней беременности, наблюдается неравенство на рынке труда, в том числе в уровне зарплаты.

В настоящее время можно выделить три наиболее проблемных аспекта дискуссии вокруг гендера и сексуальных домогательств: гендерное неравенство на уровне наиболее престижных и высокооплачиваемых должностей в академическом мире и в управлении; сексуальные домогательства в отношении студенток; произвол высокопоставленных сотрудников-мужчин по отношению к женщинам-преподавателям.

Даже в лучшие времена в Мексике женщины составляли максимум 16% от общего числа ректоров университетов, так что в этом направлении еще много предстоит сделать. Доля женщин на уровне руководства старшего звена немного выросла, но это только подтверждает тот факт, что достичь руководящей должности в университете женщинам очень трудно. Кажется, что пробить этот «стеклянный потолок» невозможно. То же наблюдается в сфере естественных, технических, инженерных и математических наук, где женщины составляют менее 10% сотрудников. В 2009 году женщины составляли всего лишь 19% членов важнейшего в стране коллегиального органа по экспертной оценке работы преподавателей.

В результате публичных обсуждений движений MeToo, Time's Up и кампании #MiPrimerAcoso мексиканские студенты-активисты стали более активно проявлять свою позицию в отношении преподавателей-мужчин, обвиненных в домогательствах в отношении студенток. Обвинения звучали в крупнейших и наиболее престиж-

ных университетах страны: в Национальном автономном университете Мексики, в Центре экономических исследований и преподавания экономики, в Автономном городском университете, в Иberoамериканском университете и др. В связи с отсутствием соответствующих протоколов основными средствами, которые студенты использовали для привлечения внимания к теме сексуальных домогательств, стали открытые обвинения в социальных сетях и демонстрации в вузах. В случаях, когда преподаватели злоупотребляют своей властью над студентами, например требуют от них сексуальных услуг, должны применяться формальные механизмы запуска расследования. В настоящее время многие университеты занимаются разработкой таких механизмов. Случаи домогательств в отношении женщин-преподавателей реже становятся достоянием общественности, что вызвано целым рядом причин: иерархией академического мира; тем, что разоблачение коллег- или начальников-мужчин может отрицательно сказаться на карьере; тем, что женщины, вероятно, чувствуют себя более уязвимыми. Если бы движение вроде #MiPrimerAcoso более активно распространялось в вузах, вероятно, к нему бы присоединилось еще больше женщин.

Аргентинские государственные университеты имеют много общего с мексиканскими. Всего на женщин приходится около 48% преподавательского состава, но на уровне высшего руководства соотношение другое. Женщин-ректоров очень мало: на 57 национальных государственных университетов их всего 5, хотя количество женщин-деканов за последние годы выросло. Аналогичная ситуация в Национальном совете по научным и техническим исследованиям: среди молодых исследователей женщин 54%, а на уровне высшего звена — всего 25%.

За последние годы удалось достичь определенных успехов в области гендерного баланса. Национальные университеты первыми в стране увеличили отпуск по уходу за ребенком до полугода для женщин и до одного месяца для мужчин (обычно женщинам полагаются всего три месяца, а мужчинам — три дня). Национальные университеты, основанные в последние 20 лет, разработали специальные гендерные стратегии и протоколы действий по предотвращению гендерного и сексуального насилия, а также дискриминации. В 2015 году самый известный национальный университет — Университет Буэнос-Айреса — тоже принял подобный протокол, что оказалось очень вовремя, потому что как раз в тот период студенты обвинили одного преподавателя в сексуальных домогательствах. С тех пор чаще всего о сексуальных домогательствах заявляют именно студенты, причем с использованием таких ресурсов, как социальные сети. К тому же студенческие ассоциации (а они традиционно очень активно выходят на улицы) стали приводить множество участников на демонстрации 8 марта, посвященные Международному женскому дню. Пока, пожалуй, именно студенты задают в Аргентине повестку дня по вопросам, связанным с дискриминацией женщин.

В Латинской Америке гендерное неравенство в образовании не является такой большой проблемой, как в других регионах мира.

Что дальше?

Очевидно, что вопросы насилия в отношении женщин и дискриминации заслуживают в Латинской Америке повышенного внимания и требуют разработки специальных протоколов, а также продолжения дискуссии о том, как добиться равенства возможностей в академической среде и на рынке труда в целом. В случае с вузами наблюдается сближение между различными группами активистов, которые стремятся привлечь внимание к конкретным кейсам (главным образом с помощью социальных сетей и СМИ), и властями, поскольку они больше не могут себе позволить игнорировать жертв сексуального насилия. Возможно, это послужит сигналом вузам к изменению внутренней политики с целью предотвращения сексуальных домогательств и сокращения гендерного неравенства на всех уровнях. Сейчас студенты и преподаватели больше знают о своих правах и об их границах. Это хорошая новость, но, с другой стороны, это еще и новый вызов для вузов Латинской Америки.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2018.94.10512>

.....

Проблема сексуального насилия в африканских вузах

Кристин Дранзоа

Кристин Дранзоа — проректор Университета Муни (г. Аруа, Уганда) и председатель Форума африканских женщин-педагогов (FAWE). E-mail: cdranzoa@yahoo.com.

В Африке поступление в вуз является мечтой для многих молодых людей, семьи считают обучение инвестицией в продвижение по социально-экономической лестнице. Именно поэтому церемония выпуска во многих университетах проходит с большой помпой — люди возлагают на диплом большие надежды и отмечают его получение как настоящий праздник.

В Египте сексуальным домогательствам подвергается 99% женщин. В ЮАР три четверти женщин подвергались различным формам сексуального насилия или неправомерных действий.

Вузы — подлинный двигатель прогресса Африки. Вопросы культурного многообразия и гендерного равенства получили популярность, поскольку к XXI веку все осознали, что без этого невозможно сбалансированное экономико-социальное развитие. Правительства большинства африканских стран подписали и ратифицировали такие международные документы, как Всеобщая декларация прав человека ООН (принята в 1948 году) и Гендерная политика Африканского союза (принята в 2009 году), которые обязывают государства укреплять гендерное равенство и содействовать реализации прав женщин в вузах.

Беззащитность женщин в африканских вузах

В Египте сексуальным домогательствам подвергается 99% женщин. В ЮАР три четверти женщин подвергались различным формам сексуального насилия или неправомерных действий. В 2014 и 2015 годах полиция ЮАР фиксировала по 53 000 изнасилований в год. В Демократической Республике Конго и Руанде многие женщины подвергаются сексуальному насилию со стороны половых партнеров. СМИ Уганды каждую неделю пишут о случаях сексуального и иного насилия против женщин, включая похищения и убийства. В мире каждая третья женщина подвергается физическому или сексуальному насилию. Женщины также часто слышат в свой адрес унижительные замечания и становятся жертвой непрошенных приставаний.

Студенты африканских вузов — это люди самого разного происхождения. Кто-то только вчера окончил школу, кто-то пришел учиться уже в зрелом возрасте. 90% молодых студентов — выходцы из финансово неблагополучных семей. В отличие от вузов, в школах и в большинстве семей отношения между полами чрезвычайно ограничены и жестко контролируются. Традиционный путь социализации у девочек и мальчиков существенно различается, что имеет негативные последствия, когда представители разных полов встречаются на «нерегулируемой территории». Молодые студентки совершенно беззащитны, они невинны, наивны и не обучены, они открывают для себя

эту вновь обретенную жизненную свободу, и иногда это приводит к незапланированным беременностям и к тому, что им приходится бросать учебу. Женщины, девушки, а иногда и юноши регулярно становятся объектом сексуальных манипуляций, и это происходит как в вузах, так и за их пределами. В большинстве африканских университетов приняты стратегии по противодействию сексуальным домогательствам, но распространенность сексуального насилия и насилия против женщин обусловлена целым рядом факторов. Общежития, где живут малообеспеченные студентки и студенты, очень дешевые и никак не контролируются, что делает их привлекательными для сексуальных извращенцев, поэтому случаи сексуального насилия в общежитиях очень распространены. Другие факторы включают в себя финансовые трудности, стремление получать только хорошие оценки (это важно в условиях нехватки рабочих мест на рынке труда), высокий уровень безработицы среди выпускников, влияние коллектива. Формально во многих вузах существуют системы мониторинга, но они не функционируют должным образом из-за непрофессионализма вузовской администрации. Влияние патриархальных традиций на положение студенток и преподавательниц усугубляется шовинистским поведением коллег-мужчин и в итоге негативно сказывается на карьерном росте женщин. Среди виновных в насилии против женщин множество высокопоставленных лиц, которые пользуются авторитетом у студентов: это могут быть и преподаватели, и координаторы учебных программ, и экзаменаторы. Нужно также отметить, что влияние иностранных культур и злоупотребление запрещенными веществами тоже не способствуют формированию уважительных отношений между полами.

Стратегическое продвижение в сторону гендерного равенства и равноправия

Стратегическое продвижение в сторону гендерного равенства и общества без насилия невозможно без обсуждения гендерных вопросов с мальчиками и мужчинами. Профильные консультанты и психологи, сотрудники отделов по работе со студентами и сотрудники охранных служб — все они должны структурным образом работать со студентами, руководителями вузов и преподавательским составом, проводить консультации, вести разъяснительную работу, устраивать открытые обсуждения о причинах сексуального насилия и насилия по отношению к женщинам. Гармоничное сочетание учебной и внеучебной деятельности (например, через клубы любителей природы или спортивные секции) позволяет не оставлять молодежь без дела, делает ее более здоровой и расширяет доступные каналы общения. Развитию многообразного, инклюзивного и основанного на уважении академического сообщества способствует также просветительская работа со студентами по таким социальным вопросам, как особенности жизни в общежитиях и профилактика таких заболеваний, как

ВИЧ/СПИД или гепатит. Важно постоянно общаться со студентами, предлагать им помощь и вести воспитательно-разъяснительную работу. Чтобы изменить сложившуюся порочную культуру, нужно, чтобы руководители вузов решительно боролись со всеми проявлениями противоправного сексуального поведения и тщательно подходили к отбору сотрудников.

Заключение

Сексуальные домогательства и насилие против женщин в высшем образовании являются признаками институциональной неэффективности. Жертвы наблюдают, как их академическая карьера затормаживается или вовсе останавливается. Замыкается порочный круг бедности и распушенности. Повальное распространение насилия против женщин и сексуального насилия в Африке подрывает усилия по достижению провозглашенных ООН Целей устойчивого развития.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2018.94.10513>

Образовательная польза движения #MeToo

Иоанна Регульска

Иоанна Регульска — профессор гендерных исследований, исследований сексуальности и феминологии, проректор по учебной работе и помощник ректора по международным вопросам Калифорнийского университета в Дейвисе (США). E-mail: jregulska@ucdavis.edu.

Большинство женщин мира хотя бы раз в жизни подвергались сексуальным домогательствам, приставаниям, насилию или против своего желания попадали в неприятные ситуации. Все они оказывались «в одной и той же» ситуации, хотя каждая, конечно, переживала эту ситуацию по-своему. Для кого-то это был момент «озарения», кто-то днями, месяцами или даже годами живет с иногда невыносимой эмоциональной или физической болью. Кто-то хочет предать свой опыт забвению. В некоторых культурных и политических контекстах о таком не принято говорить: когда вещи не называют своими именами, они могут казаться не такими страшными. Момент, когда женщина решается признать то, что с ней случилось, и назвать все своими именами, зависит от ее возраста, сексуальной ориентации, расового и этнического происхождения, социально-экономического положения, религии, культурного контекста и пережитого опыта, который определил ее личностное становление.

В этом эссе я хочу рассмотреть движение #MeToo («Я тоже») в контексте мирового образования. Каковы наши обязательства как представителей сферы образования с учетом распространенности в мире сексуальных домогательств и насилия против женщин, а также с учетом пренебрежительного отношения к рассказам женщин о пережитом? Как обсуждать этот момент в рамках наших попыток сделать студентов космополитичными и дать им широкие взгляды на мир? Как мы могли бы использовать это международное движение в нашей международной и межкультурной просветительской работе? Как включить студентов, преподавателей и сотрудников в изучение этой запретной территории эмоционально насыщенного опыта, страшных и болезненных переживаний с учетом различных культурных практик, которые могут вести к неприятным недоразумениям?

Сложность момента

Настал очень значительный, но непростой момент. Он важен потому, что нашел отклик у женщин со всего мира и, соответственно, способствовал запуску в разных частях мира общественной дискуссии, в которой принимают участие представители разных взглядов. Это очень поучительный момент. Я много путешествую по разным странам и часто сталкиваюсь с отрицанием, с пренебрежительным отношением, с открытой критикой. Движение #MeToo находит отклик далеко не у всех. Многие считают, что это роскошь, которую женщины, живущие в условиях войны или чрезвычайной бедности, не могут себе позволить.

Это удивительный момент, потому что женщины сами обсуждают и решают, что считать домогательствами, угрозами или насилием. Как пережитый опыт влияет на их понимание собственного тела и своего положения в обществе? Вместе с тем это непростой момент, потому что мы должны осознать степень влияния различных факторов: местного культурного контекста, политического климата, государственных институтов, классовых и расовых/этнических привилегий, гетеронормативности и многих других форм общественного давления, исходящих от доминирующих социальных групп.

Вертикаль власти и гендер

В попытках дать определение тому, что такое сексуальные домогательства, правонарушения или насилие в отношении женщин, написано множество статей и юридических обзоров, проведено множество конференций и семинаров. Женщины много говорят и пишут на эту тему, проводят демонстрации, дают показания в судах — и все равно в большинстве случаев используются определения и законы, разработанные мужчинами. Культурные практики и законодательство многих стран по-прежнему определяются религиями, господствующее положение в которых занимают мужчины. Мужчины преобладают в законодательных и исполнительных органах власти.

Большинство юристов — мужчины. Нормы обусловлены патриархальными стандартами.

Незаметное разнообразие

Что еще важнее, в своем стремлении быть услышанными и начать что-то делать мы не должны забывать о том, что все женщины разные. Они различаются по цвету кожи, этническому происхождению, сексуальной ориентации, индивидуальному гендерному статусу, возрасту, культурным убеждениям и/или социально-экономическому статусу. Более того, пересечение некоторых идентичностей делает одних женщин более уязвимыми, чем другие. Все эти разнообразные сочетания должны быть поняты, приняты и учтены.

Нехватка социально-культурного разнообразия — все еще слабый пункт не только движения #MeToo, но и международного образования. Мы слишком часто разговариваем категориями («иммигранты», «международные студенты», «студенты из семей с низким уровнем образования»), не думая при этом о том, что именно эти категории говорят нам о личности конкретного студента, его опыте, его жизни. Привлекательность использования этих крупных категорий слишком часто приводит к тому, что мы забываем о существующих в различных странах и культурах нюансах восприятия того, что считать сексуальными домогательствами или изнасилованием: то, что для одного человека уголовно наказуемое деяние, для другого всего лишь неприятная бытовая ситуация.

Еще мы слишком часто говорим только о студентах, забывая при этом о преподавателях и остальных сотрудниках сферы образования. Нужно признать, что многие мужчины тоже подвергаются насилию из-за своего цвета кожи, сексуальной ориентации, индивидуального гендерного статуса и/или классового происхождения. Мы, работники международного образования, обязаны в своей работе способствовать формированию такого климата, где никто бы не чувствовал себя изгоем.

Работники международного образования как посредники мирового диалога

Хотя сейчас женщины на основе своего опыта решают, что считать сексуальными домогательствами, приставаниями или насилием, мы, работники международного образования, должны понять, что этот исторический момент значит для наших вузов и для наших подходов к интернационализации. Широкомасштабная и всеобъемлющая интернационализация предполагает не только разработку разных стратегий и программ, но и создание благоприятной для представителей различных социально-культурных групп атмосферы, которая бы располагала к межкультурному обмену, а также ведение дискуссий, которые были бы основаны на фактах.

Как извлечь образовательную пользу из рассказов, которые мы сейчас слышим из уст женщин —

студенток, преподавательниц, сотрудниц вузов? Как добиться осознания социальных, политических и экономических факторов, определяющих нашу культуру, с тем чтобы мы смогли справиться с текущим историческим моментом и извлечь из него пользу с точки зрения понимания и принятия других убеждений и других точек зрения? Как запустить саморефлексию и признать, что представители международного высшего образования тоже придерживаются различных точек зрения? Эти вопросы не новы, но ответов на них пока нет. Само движение #MeToo зародилось еще в 2006 году, но мир услышал его лишь в 2017 году.

Это удивительный момент, потому что женщины сами обсуждают и решают, что считать домогательствами, угрозами или насилием.

Трудности остаются

Многие студенты, преподаватели и сотрудники вузов сейчас хорошо осознают свою субъектность и многообразие своих идентичностей, которые могут определяться совокупностью различных непростых обстоятельств. Переосмысление стратегий интернационализации должно происходить с учетом окружающего нас многообразия. Нам как представителям международного образования доступны для этого различные инструменты: программы обмена и обучения за рубежом; совместные образовательные проекты с международными партнерами; краткосрочные тематические семинары; совместные с неправительственными организациями исследовательские проекты и программы стажировок; программы обмена сотрудниками; международные программы развития лидерских качеств для студентов и т.д. Учитывая все это, погружение в значение тех или иных терминов, фраз, действий, стратегий и каждодневных норм даст нашим студентам возможность вести дискуссии на более широкий круг тем и опираться при этом на факты, поэтому мы должны использовать все имеющиеся у нас инструменты.

Разработка новых стратегий требует повышения уровня коллективной осведомленности и нашей готовности слушать, учиться и включаться в межкультурный или внутрикультурный диалог. Наша первоочередная задача как представителей международного образования — создать у людей ощущение сплоченности вне зависимости от их убеждений, принципов и привычек.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2018.94.10514>

.....

Гендер и высшее образование: активизация обсуждений сексуальных домогательств и гендерного неравенства в оплате труда

Эллен Хэйзелкорн

Эллен Хэйзелкорн — почетный профессор и директор Центра исследований высшего образования (HEPRU) Дублинского технологического института, советник по вопросам образовательной политики в консалтинговой организации BH Associates (Ирландия).

E-mail: ellen.hazelkorn@dit.ie, info@bhassociates.eu.

В начале 2018 года все население острова Ирландия пристально следило за делом об изнасиловании 19-летней на тот момент девушки двумя известными ирландскими регбистами. В отличие от подобных дел в независимой Ирландии, случаи изнасилования, случившиеся в Северной Ирландии, подпадают под юрисдикцию Соединенного Королевства. Вот почему в данном случае не только были известны личности обвиняемых, но и в прессе каждый день появлялись новые откровенные подробности дела. Личность жертвы должна была быть сохранена в тайне, но ее быстро вычислили, и социальные сети сошли с ума. Девять недель спустя двое обвиняемых и их друзья были оправданы. Как отмечали комментаторы, состоялся настоящий суд, действующий по всем нормам, где вина должна быть доказана однозначно, а не моралистский суд против асоциального поведения.

Произошла ситуация, подобная #MeToo. Прокапталась волна митингов, хэштег #IBelieveHer («Я ей верю») стал самым популярным в соцсетях, увеличилось количество обращений в Дублинский кризисный центр для жертв изнасилований. Возмущенность одной части общества натолкнулась на традиционно высокий уровень общественной терпимости по вопросам сексуальных домогательств и гендерной дискриминации.

Сексуальные домогательства в вузах

Сексуальным домогательствам в вузах уделяется мало внимания, несмотря на то что СМИ периодически пишут о необходимости остановить «эпидемию» домогательств преподавателей к студентам и между студентами. Газета «Гардиан» (6 марта 2017 года) провела в 2017 году исследование, которое показало, что в период с 2011 по 2017 год студенты британских вузов

как минимум 169 раз подавали заявления с обвинением преподавателей в противоправном сексуальном поведении, а сотрудники вузов минимум 127 раз подавали такие заявления против коллег.

По данным объединения британских университетов Universities UK, наибольших успехов в снижении уровня сексуальных домогательств между студентами можно добиться при условии активного участия высшего руководства вузов, а вот борьбу с правонарушениями и домогательствами на почве ненависти и с противоправным сексуальным поведением сотрудников вузов по отношению к студентам вести труднее. В целом эти данные соотносятся с результатами опроса, проведенного Национальным союзом студентов (NUS), хотя опрос был посвящен в первую очередь иерархическим отношениям в академическом мире, в частности неправомерным сексуальным отношениям между сотрудниками вузов и студентами.

Проблема травли и домогательств, в том числе сексуальных, характерна и для ирландских вузов. В каждом университете есть правила поведения, но в целом считается, что студенты — это взрослые люди, которые несут ответственность за свои действия, что освобождает вузы от обязательств. Правила поведения, которые распространяются и на сотрудников, охватывают такие темы, как сексуальные домогательства, физическое насилие, травля, списывание, плагиат, курение. В особо вопиющих случаях студент может быть отчислен. 6 ноября 2017 года газета «Айриш Таймс» описывала несколько случаев нарушения правил поведения в вузах, большинство из них было основано на жалобах по поводу поведения мужчин.

Все эти события спровоцировали запуск широкой общественной дискуссии о сексуальном просвещении в целом и о понятии «согласие» в сексуальных отношениях в частности. Министр образования Ирландии объявил о пересмотре программы полового просвещения для начальных и средних школ. Университеты Ирландии и Соединенного Королевства стали предлагать первокурсникам тренинги о том, что такое «согласие». Ирландский национальный университет в Голуэе стал проводить тренинги, нацеленные на расширение понимания понятия «согласие».

В профессиональной жизни я сталкивалась со случаями, когда магистранты или аспиранты вступали в отношения со своими научными руководителями. Это случается с представителями и мужского пола, и женского. Такие отношения обычно признаются нормальными, так что отслеживать ситуацию с ними сложно. Случается, что уровень культуры дискуссии опускается до того, что я бы назвала «вербальным изнасилованием». При индивидуальных музыкальных или вокальных занятиях, как это бывает в консерваториях, или вообще при индивидуальной работе со студентами принято использовать аудитории, где в дверь врезано окошко, или просто оставлять двери открытыми — в интересах всех вовлеченных сторон.

Проблема травли и домогательств, в том числе сексуальных, характерна и для ирландских вузов.

Проблемы усугубляются в случае с образовательными учреждениями совмещенного типа (когда в одном заведении дают и профессионально-техническое, и высшее образование. — *Ред.*) или в случае, когда школы и университеты пользуются одними и теми же зданиями — либо ради обогащения образовательной среды, либо ради экономии, — то есть в случаях, когда появляется потребность в дополнительных правилах поведения.

Люди, особенно женщины, крайне неохотно говорят о ситуациях, которые вызывают вопросы об их репутации и поведении или которые могут поставить их карьерный рост под угрозу. Конечно, отдельные случаи всегда всплывали на поверхность, но в целом проблема сексуальных домогательств в Европе привлекает меньше внимания, чем в США. По большому счету, отсутствие эмпирических данных и неосознанность проблемы заставляют сделать вывод, что мы не знаем ее подлинных масштабов и что вузам нужно разработать какие-то базовые принципы по этой теме. К тому же организационная культура в вузах и академическое поведение обусловлены слишком узким пониманием того, что считать высокими стандартами деятельности.

Гендерное неравенство в оплате труда

Другое дело, когда речь идет о карьерном росте и оплате труда. Будучи одной из немногих в Ирландии женщин, которым за последние 20 лет удавалось достичь должности проректора, я могу подтвердить, что перемены идут очень медленно. Собственно, по мере продвижения женщин по традиционной для академической среды карьерной лестнице их становится все меньше и меньше в сравнении с мужчинами. Это неопровержимые данные.

Европейская комиссия регулярно публикует статистический сборник SHE Figures, посвященный мониторингу гендерного аспекта науки в Европейском союзе. В 2002 году девушек и юношей среди выпускников вузов было примерно поровну, однако с тех пор доля девушек среди выпускников существенно увеличилась. В 2016 году в ЕС доля женщин 30–34 лет, получивших высшее образование, превышала аналогичный показатель среди мужчин на 9,5%, при этом почти во всех странах — членах ЕС женщин с дипломом о высшем образовании было больше, чем мужчин.

Тем не менее женщины зарабатывают в среднем на 16% меньше, чем мужчины. Лишь 20% европейских вузов возглавляют женщины. В 2013 году лишь 21% первокурсных исследователей составляли женщины. Женщины возглавляют ученые или административные советы только в 22% случаев, а среди их членов на женщин приходится лишь 28%. Наибольшая дисперсия наблюдается на уровне профессуры: почти во всех странах ЕС есть вузы, где вообще нет женщин-профессоров.

Гендерное неравенство в оплате труда стало одной из наиболее обсуждаемых тем в британских СМИ, после того как были опубликованы цифры за 2018 год. Речь идет о различиях в среднем заработке между мужчинами и женщинами, о размере заработка женщин относительно заработка мужчин. Возможно, эти данные не сообщили нам ничего нового — мы и так знали, что мужчины на высокооплачиваемых позициях преобладают, — но результаты ошарашивают. Медианный гендерный разрыв в оплате труда составляет в среднем по стране 9,8%, а в университетах — аж 18,4%. В двух университетах женщины получают в среднем на 37,7% меньше, чем мужчины. По данным «Би-би-си», среди престижных вузов «Группы Рассела» хуже всего дела обстоят в Даремском университете: там гендерный разрыв в оплате труда достигает 29,3%.

Управление высшего образования Ирландии (HEA) опубликовало в 2016 году Национальный доклад о гендерном равенстве в ирландских вузах, в котором также содержится целый список рекомендаций. С момента основания первого университета около 426 лет назад в Ирландии ни разу не было женщины-ректора, а если говорить о технических институтах, то лишь два из них в настоящее время возглавляют женщины. Существуют существенные различия в зависимости от дисциплины, причем самый большой разрыв наблюдается в сфере естественных, технических, инженерных, математических и медицинских наук. Назначения на профессорские должности давно сопровождаются скандалами, самый громкий из которых произошел в 2009 году, когда Трибунал по вопросам равенства (квазисудебная государственная инстанция в Ирландии, которая разбирает случаи, связанные с дискриминацией. — *Ред.*) принял решение в пользу одной исследовательницы из Ирландского национального университета в Голуэе, постановив, что она подверглась гендерной дискриминации, и присудив ей должность профессора.

Впрочем, Ирландия — это еще и пример того, как политика и финансы определяют поведение. В 2005 году в Соединенном Королевстве была создана ассоциация Athena SWAN, поощряющая карьерный рост женщин в сфере естественных, технических, инженерных, математических и медицинских наук. С тех пор эта организация расширила свою деятельность и стала помогать представительницам всех дисциплин, а также начала работать в Ирландии. Эта организация делит вузы на три категории, к первой (базовой) из которых —

«бронзовой» — относятся вузы, которые приняли на себя обязательства по соблюдению десяти ключевых принципов гендерного равенства, которые проводят критический самоанализ и имеют конкретный план действий. Но что важнее, в Ирландии есть три совета по распределению научного финансирования, и они ввели требование о том, что вузы, которые претендуют на получение средств, должны к 2019 году получить «бронзовый» статус, а к 2023 году — «серебряный».

В результате этого все вузы стали нанимать проректоров по вопросам равенства, культурного многообразия и инклюзии и активно занялись кадровыми назначениями на уровне высшего руководства. Проводятся тренинги на тему подсознательных предубеждений, они обязательны для руководителей старшего звена. Но процесс идет очень медленно. На то, чтобы достичь рекомендованного гендерного баланса (целевая доля женщин установлена на уровне 40%), может уйти не одно десятилетие. В связи с этим начались разговоры о введении квот. Но все сводится к тому, что нет более эффективного стимула для вузов, чем деньги. Я уже перестала огорчаться по поводу того, что женщин теперь нанимают исключительно ради соблюдения новых правил, — в конце концов, мужчины уже давно себя так ведут.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2018.94.10515>

Сексуальное насилие в эфиопском высшем образовании

Айеначеу Асэффа Волдегийоргис

Айеначеу Асэффа Волдегийоргис — аспирант и ассистент Центра по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже, США. E-mail: woldegiy@bc.edu.

Высшее образование в Африке охвачено сексуальным насилием. К примеру, один из ведущих университетов континента — Университет Макерере в Уганде — недавно попал на первые полосы международной прессы в связи с шокирующими результатами потрясшего весь вуз расследования, длившегося два месяца. Чтобы лучше понять суть и масштабы проблемы, рассмотрим подробнее ситуацию в Эфиопии.

Показательный случай

Ханна Тефера возглавляла Управление по гендерным вопросам Научно-технологического университета города Адама с ноября 2013 года. 18 января 2018 года она

получила письмо о том, что ее снимают с этой должности, хотя причины названы не были. Тефера утверждала, что увольнение стало для нее неожиданностью и что она не может найти ему никакого объяснения. Тем временем газета Addis Standard написала о том, что поводом к увольнению послужило расследование, которое проводила Тефера. В декабре 2017 года она написала ректору о случае сексуального насилия в отношении одной студентки и потребовала немедленно начать расследование. В этом письме говорилось, что неизвестный вооруженный мужчина вломился в комнату студентки в общежитии и напал на нее. Снабдив свое письмо ссылками на соответствующие статьи Конституции и положения внутреннего распорядка университета, Тефера осудила это преступление. Она также подчеркнула, что для обыска общежития следовало бы направить военнослужащих женского пола. (В связи с политически нестабильной ситуацией последних лет для подавления возможных протестов и беспорядков в университетах дислоцируются военные.) В своем письме Тефера выразила обеспокоенность многочисленными случаями сексуальных домогательств, о которых ей сообщали, и призвала руководство вуза принять серьезные меры.

По опубликованной информации, Тефера была уволена по прямому указанию одного из членов правления вуза и по совместительству высокопоставленного офицера национальных вооруженных сил. Данный случай очень показателен, так как он отражает и ситуацию в целом, и безразличие руководства вуза. Как в подобных условиях университет может стать безопасной средой для студенток? Что сотрудники, отвечающие за работу со студентами, могут сделать для решения проблемы?

Масштабы проблемы

В связи с укоренившимися в стране патриархальными традициями эфиопское общество пропитано гендерными предрассудками, проблемами неравенства и сексуального насилия. Сфера высшего образования не исключение. К примеру, опрос 462 студенток, который недавно прошел в Университете Волайта Содо, показал, что 36,1% из них подвергались сексуальному насилию после поступления в вуз, а 45,4% — в жизни в целом. В Университете Мадавалабу было опрошено 411 студенток, из них 41,1% ответили, что хотя бы раз в жизни подвергались сексуальному насилию, причем 25,4% — за предшествующий год. В Университете Джиммы исследовали причины отсева среди студентов и обнаружили, что 82,4% респонденток (из 108 девушек, бросивших учебу) приняли решение уйти из вуза именно из-за сексуального насилия, причем 57,4% — по причине беременности. Исследования, проводившиеся в других вузах, тоже указывают на то, что сексуальное насилие распространено повсеместно. Акты сексуального насилия в вузах совершают и студенты, и преподаватели, и другие сотрудники, и люди, никак не связанные с высшим образованием.

В связи с укоренившимися в стране патриархальными традициями эфиопское общество пропитано гендерными предрассудками, проблемами неравенства и сексуального насилия.

Некоторые студентки поступают в вузы, уже пережив в прошлом опыт сексуального насилия. Все это, а также нехватка психологической и иной помощи не позволяет им справиться с пережитой травмой и почувствовать себя в вузе в безопасности.

Авторы всех исследований на эту тему сходятся в том, что предоставляемая студенткам помощь очень ограничена. Мало того что культурные нормы и табу мешают им обратиться за помощью, если они все же за ней обращаются, оказывается, что соответствующие подразделения вузов испытывают нехватку сотрудников и вообще плохо к этому подготовлены. О психологическом аспекте условий обучения говорят ничтожно мало.

Основная проблема: гендерные предубеждения

За последние десять лет удалось добиться некоторых успехов в сокращении гендерного неравенства в вузах, причем как среди студентов (в 2005 году девушки составляли всего 24,4% обучающихся, в 2015 году — уже 32%), так и среди преподавателей (за тот же период доля женщин увеличилась с 10,3% до 12%). Тем не менее к женщинам по-прежнему относятся не так, как к мужчинам. Несмотря на привилегии при поступлении в вузы, гендерные предубеждения и сексуальное насилие негативно сказываются на обучении студенток и мешают им успешно учиться. Девушек больше среди студентов в области социальных и гуманитарных наук. Более того, по имеющейся информации, девушек активно отговаривают от поступления на естественные науки для снижения уровня отсева среди студенток. Как ни парадоксально, это считается мерой «позитивной дискриминации».

Согласно недавнему исследованию, у женщин на 50% меньше шансов получить должность младшего преподавателя, чем у мужчин, и на 72% меньше шансов получить должность старшего преподавателя или выше. Эта ужасающая разница вызвана целым рядом факторов, которые, несмотря на некоторые статистические улучшения, по-прежнему сдерживают карьерный рост женщин.

Что можно сделать?

Попытки сверху вниз повлиять на поведение людей представляются малоэффективными и медленными, так что более разумной альтернативой, хотя и не единственной, представляется горизонтальный подход. Чтобы предотвратить сексуальное насилие в будущем и помочь жертвам найти в себе смелость рассказать о своих проблемах и попросить о помощи, необходимо изменить установки, принятые в университетском сообществе. Многолетний опыт социальных/психологических исследований показывает, что чем лучше обычный человек понимает, что такое насилие, и чем лучше у него развиты навыки, необходимые для реализации просоциального поведения без угрозы для собственной безопасности, тем больше вероятность, что он вмешается, когда увидит несправедливость. Существуют примеры, которые показывают, что повышение потенциала студентов и преподавателей является эффективным способом противодействия сексуальному насилию в вузах.

Для этого необходимо постоянное повышение информированности о проблеме всех, кто так или иначе связан с университетами. При этом нужно понимать несколько важных вещей. Во-первых, программы повышения информированности должны охватывать все университетское сообщество целиком. Недостаточно работать с теми, кто представляется наименее информированным, или, наоборот, с теми, кто сам проявляет интерес к проблеме. Во-вторых, учитывая тот факт, что некоторые аспекты гендерных предубеждений и сексуального насилия чрезвычайно укоренены в социальных нормах, важно начать с объяснения того, что такое сексуальное насилие и в чем оно проявляется. В-третьих, подобные программы должны предусматривать различные механизмы вовлечения людей и стимулы для повышения их вовлеченности.

Учитывая ограниченность ресурсов и нехватку квалифицированного персонала, одним из вариантов может быть подготовка тренеров-волонтеров с использованием стандартизированных материалов и методов контроля качества, чтобы по методу пирамиды охватить с течением времени весь вуз. А когда это случится, можно будет разработать обязательные тренинги для всех новых студентов и преподавателей, что могло бы стать шагом к обеспечению стабильной информированности о проблеме.

Такой горизонтальный подход не может заменить собой другие стратегии, да и одного его недостаточно. Он должен использоваться как неотъемлемый компонент более широкой стратегии, включающей и нисходящие, и восходящие подходы. Стоит также отметить, что для успеха нужно, чтобы руководство вуза (и системы образования в целом) открыто признало свою готовность работать над данной проблемой. Нужно, чтобы вузы и правительство взяли за создание безопасной и благоприятной рабочей среды

для женщин-руководителей, женщин-преподавателей и женщин-сотрудников, а также за повышение качества услуг, предоставляемых студентам, путем переподготовки сотрудников и обеспечения необходимых ресурсов. Впрочем, отсутствие подлинного интереса к проблеме со стороны руководства не должно сдерживать сотрудников управлений по работе со студентами и по гендерным вопросам в их стремлении добиться перемен, несмотря на сложившиеся условия.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2018.94.1051>

Вызовет ли брекзит перестройку европейского высшего образования?

Алина Куртуа

Алина Куртуа — исследователь Центра глобального высшего образования Института образования Университетского колледжа Лондона (Великобритания). E-mail: a.courtois@ucl.ac.uk.

В 2016 году в ходе референдума 51,9% избирателей Великобритании проголосовали за выход страны из Европейского союза. Процедура брекзита, суть которой до сих пор неясна, официально была запущена в мае 2017 года. Брексит может иметь самые серьезные последствия для высшего образования Соединенного Королевства и других стран.

Великобритания является второй после Германии страной по объемам средств на исследования, получаемых от ЕС на конкурсной основе. Британских исследователей часто выбирают руководителями финансируемых ЕС коллективных международных проектов. Великобритания — одна из стран, предпочитаемых учеными, получившими индивидуальные гранты и стипендии. 6% студентов и 17% сотрудников британских университетов — граждане других стран ЕС. С одной стороны, это обусловлено престижностью британских вузов, но одновременно Великобритания привлекает международных студентов и исследователей еще и как «ворота в Европу».

Кроме того, почти половина научных статей, издаваемых в Соединенном Королевстве, написана в сотрудничестве с хотя бы одним международным партнером, а 13 из 20 стран — основных научных партнеров Великобритании расположены в ЕС. Значительная доля этих публикаций появляется благодаря финансируемым ЕС исследованиям. Наконец, в Великобритании

расположены ключевые панъевропейских научных центров, например Центр исследований высокоэнергетической лазерной энергии. Полноценное использование центров возможно только в условиях свободы перемещения, которую гарантируют текущие правила членства в ЕС.

Жесткий брекзит может стать катастрофой для британского сектора высшего образования. Если будет реализован наиболее пессимистичный сценарий, при котором европейские студенты полностью оплачивают стоимость обучения, ограничивается свобода передвижения ученых и страна не участвует в финансируемых ЕС исследовательских проектах, от брекзита пострадает не только Великобритания.

Брекзит и европейский исследовательский проект Центра глобального высшего образования

Центр глобального высшего образования решил оценить потенциальные последствия брекзита для европейского высшего образования и науки. В проекте участвовали сотрудники 10 центров изучения высшего образования разных стран: Венгрии, Германии, Голландии, Дании, Ирландии, Норвегии, Польши, Португалии и Швейцарии, а также Великобритании. За несколько месяцев были проведены интервью с 127 респондентами из разных стран, среди них были политики, ректоры, ученые и молодые исследователи, находящиеся в странах по программам мобильности. Респондентов просили подумать о последствиях брекзита для вузов, в которых они работают, и систем образования их стран.

Жесткий брекзит может стать катастрофой для британского сектора высшего образования.

Между рисками и возможностями: неоднозначные оценки

Исследование показало, что мнения в разных странах различаются. Поразительно, что респонденты из Восточной Европы (Венгрии, Польши), а также некоторые респонденты из Португалии говорили, что британцы и так никогда не считали их ценными партнерами, а потому брекзит на них повлияет слабо.

Крупные страны, например Германия, благодаря перераспределению средств могут оказаться в выигрыше. Североевропейские страны, такие как Дания и Голландия, оценивают ситуацию двояко. С одной стороны, учитывая их успехи в привлечении грантового

финансирования и проведении научных исследований, а также учитывая тот факт, что там распространено обучение на английском, выход Великобритании из ЕС может сыграть им на руку. С другой стороны, успешность этих стран отчасти объясняется их ориентированностью на англосаксонскую систему. В этом смысле брекзит может только усугубить негативные последствия недавних политических изменений в США для будущего сотрудничества с ключевыми партнерами. Датские и голландские респонденты открыто говорили, что привыкли полагаться на Великобританию как на надежного политического союзника в ходе дискуссий на уровне Евросоюза, когда накаляются противоречия между странами, предпочитающими конкурсное распределение научного финансирования, и странами, ориентированными не на конкуренцию, а на эгалитаризм. В непонятном положении может оказаться Ирландия, которая наверняка выиграет от перераспределения международных студенческих потоков, но которая при этом по-прежнему во многом зависит от британской системы. Представители Польши и Португалии обеспокоены судьбой живущих в Британии студентов и мигрантов из других стран ЕС. В целом распространено мнение, что Великобритания стремительно теряет академическую привлекательность и репутацию. Британские респонденты особенно обеспокоены риском сокращения финансирования гуманитарных и социальных наук и сомневаются, что в условиях растущей маркетизации высшего образования правительство будет поддерживать финансирование сектора на прежнем уровне. Респонденты, работающие по временным научным контрактам в Швейцарии, считают, что больше всего пострадают ученые, не имеющие постоянного контракта.

Изменение ландшафта европейского высшего образования и науки

Хотя ключевым принципом действующей системы выступает сотрудничество, не все страны являются равноправными партнерами. Программа «Эразмус» задумана как программа многосторонних студенческих обменов, однако некоторые страны принимают гораздо больше студентов, чем отправляют. Такими странами являются Ирландия и Великобритания, граждане которых редко пользуются возможностью европейских программ мобильности. Коэффициент успешности заявок, подаваемых в Европейский совет по науке, тоже варьируется от страны к стране, причем существуют четко различимые сетевые кластеры, которые обычно сосредоточены в крупных странах вроде Германии и Великобритании или — реже — в Испании, Франции, Италии.

Пытаясь строить планы в условиях непредсказуемого брекзита, респонденты большинства стран предполагают, что Великобританию заменит другой крупный партнер и/или что они займутся укреплением существующих международных связей внутри

и за пределами региона. С одной стороны, некоторые респонденты, в особенности ученые, хотят продолжать сотрудничество с британскими коллегами вне зависимости от того, по какому сценарию пойдет брекзит. С другой стороны, большинство респондентов довольно прагматичны и рассматривают стратегии минимизации последствий брекзита для своих вузов и стран, и эти стратегии зачастую предполагают частичный отказ от сотрудничества с британскими коллегами.

Угроза для европейского проекта в целом

Членство в ЕС сыграло значимую роль в успехе Великобритании, но научная репутация и исследовательская продуктивность британских вузов также помогли повышению привлекательности ЕС на мировом рынке высшего образования и науки.

Красной нитью исследования прошла мысль о том, что ученые обеспокоены не только качеством и репутацией европейского высшего образования и науки, но и в целом будущим единой Европы. Репутация ЕС будет подорвана, если в «наказание» за результаты референдума будет решено полностью оборвать связи с Великобританией. С другой стороны, комфортные условия выхода из ЕС могут воодушевить противников ЕС в других странах, что, в свою очередь, может быть воспринято потенциальными иностранными партнерами как признак ксенофобии и поставить под угрозу саму идею единой Европы. Таким образом, брекзит становится источником проблем на разных уровнях по всей Европе.

Полный текст доклада “Higher education and Brexit: current European perspectives” можно скачать по адресу: <http://www.researchcghe.org/publications/higher-education-and-brexit-current-european-perspectives/>.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2018.94.10517>

Индия и Китай: два основных центра высшего образования в Азии

Прабхакар Дж. Лавакаре

Прабхакар Дж. Лавакаре — бывший секретарь Консультационного совета по науке при правительстве Индии и бывший исполнительный директор Американско-Индийского образовательного фонда (Нью-Дели, Индия). E-mail: lavakarepj@gmail.com.

Считается, что потенциально Индия и Китай могут стать двумя наиболее привлекательными для международных студентов центрами высшего образования в Азии. В каждой из этих стран сложилась крупная и многообразная система высшего образования, а студенты из этих стран мечтают выйти на мировой рынок труда. В связи с этим перед национальными системами высшего образования встает непростая задача подготовки высокопрофессиональных и космополитичных кадров, которые бы имели востребованный на глобальном рынке труда международный опыт. Развитие международного высшего образования также невозможно без привлечения в местные вузы международных студентов. И Индия, и Китай стараются это делать. В этой статье я коротко опишу статус международного образования в Индии и Китае и постараюсь выделить ключевые параметры, определяющие деятельность каждой из систем.

Образовательная инфраструктура

В Индии 799 университетов и около 38 000 колледжей (они предлагают преимущественно бакалаврское образование); в Китае 2880 университетов. В целом в Индии учится около 34,5 млн студентов, в Китае — 47,9 млн. Обе страны поощряют развитие частных вузов. Китай предпринял целенаправленные усилия по продвижению 100 из своих университетов, благодаря чему семь из них в итоге вошли в топ-200 всемирного рейтинга Times Higher Education (THE). Индия тоже экспериментировала с некоторыми реформами, нацеленными на повышение качества университетов, но пока ни один из них не вошел в топ-200 лучших вузов мира. Несмотря на то что преподавание в большинстве индийских вузов ведется по-английски, они малопривлекательны для иностранных студентов из-за низкого рейтинга. Китайцы в этом плане сделали невероятное, и теперь ряд ведущих университетов предлагает образование на английском. Китайские медицинские вузы, где обучение идет на английском, привлекают даже индийских студентов, поскольку китайские власти добились признания своих программ индийским Советом по медицине. Индия не предпринимала никаких существенных шагов по привлечению иностранных студентов. А вот ее соседи создали Китайский стипендиальный совет — это некоммерческая организация при национальном Министерстве образования, которая выдает иностранцам стипендии на обучение в Китае. Этот совет также распределяет стипендии для китайских студентов, которые хотят учиться за границей. Комиссия по университетским грантам (UGC) — главный в Индии государственный орган, отвечающий за деятельность высшего образования, — не принимает никаких аналогичных мер по привлечению в страну иностранных студентов или по поддержке молодых индийцев, которые хотели бы учиться за границей. В общем, очевидно, что в Китае создана гораздо более благоприятная для международных студентов и международного образования в целом образовательная инфраструктура.

Студенческая мобильность в Индии и Китае

Входящая и исходящая международная студенческая мобильность стала важным аспектом интернационализации во всем мире. В 2015 году за пределами своей страны обучалось 181 872 студента из Индии и 523 700 студентов из Китая. Индия никак не ограничивает право учиться за границей, но, в отличие от Китая, и не предлагает никакой финансовой поддержки. Если в Индии количество молодежи, уезжающей учиться за рубеж, постоянно растет, то в Китае движение идет то вверх, то вниз. Тем не менее наблюдается четкая тенденция: власти Китая хотят, чтобы их молодежь имела опыт обучения за границей, и потому предпринимают определенные шаги в этом направлении, например выделяют стипендии. А в Индии только некоторые элитные вузы вроде сети Индийских технологических институтов недавно начали развивать программы зарубежных стажировок для студентов инженерных специальностей и выделять для них небольшие стипендии (при поддержке зарубежных партнеров). В долгосрочной перспективе молодым специалистам из Индии, ищущим работу за границей, явно придется конкурировать на рынке труда с хорошо образованными китайцами. Долгие годы большим преимуществом индийских студентов было то, что они хорошо владеют английским, но сейчас китайцы активно восполняют пробелы в своих языковых знаниях.

Наиболее заметным изменением в сфере интернационализации в Индии и Китае стали меры по привлечению иностранных студентов. В 2015 году Индия приняла всего 42 420 иностранных студентов, а Китай — 397 635. Это стало возможно благодаря созданию Китайского стипендиального совета, который является централизованным пунктом привлечения международных студентов и предлагает им стипендии (на конкурсной основе). Индии еще только предстоит создать подобное централизованное агентство. Принятые Китаем меры привели к тому, что в этой стране теперь учится 10% международных студентов мира. Китаю удалось привлечь студентов даже из Индии: их количество выросло с 8145 в 2008 году до 16 694 в 2015 году. Интересно, что 80% из них — студенты англоязычных бакалаврских программ по медицине.

Входящая и исходящая международная студенческая мобильность стала важным аспектом интернационализации во всем мире.

Для сравнения: по данным Всеиндийского исследования высшего образования, проводимого Министерством по развитию людских ресурсов, в 2015–2016 учебном году в вузах Индии обучалось всего 185 китайцев; большинство из них изучало основы коммерции и управления, информатику или естественные науки. Этот дисбаланс четко показывает, что пока самым притягательным для иностранцев центром высшего образования в Азии является Китай.

Чтобы привлечь иностранных студентов (и дать местной молодежи возможность получить международное высшее образование), Китай разрешил четырем аккредитованным американским вузам открыть в стране свои филиалы. Политику Индии в отношении иностранных образовательных организаций, которые хотели бы открыть в этой стране свои представительства, можно охарактеризовать как крайне осторожную, так что пока ни одному иностранному вузу не удалось открыть в Индии свой филиал.

Заключение

Образовательные инфраструктуры Индии и Китая очень велики и вполне сопоставимы. Потенциально в условиях глобализованного мира обе страны могли бы привлекать множество иностранных студентов, причем и из развитых, и из развивающихся стран. Китай признает важность усилий по интернационализации высшего образования. Как уже упоминалось выше, семь китайских университетов входят в число 200 лучших вузов в мире, в Китай приезжает в 10 раз больше иностранных студентов, чем в Индию, и к тому же правительство Китая поддерживает обучение значительной доли своих студентов за границей. Индия ничего такого не делает. В результате китайцев, обучающихся за границей, гораздо больше, чем индийцев, и первые имеют преимущество на мировом рынке труда. Китай открыл свои двери качественным иностранным вузам, которые популярны и среди местных студентов, и среди международных. Индия проиграла Китаю в гонке за звание самого привлекательного в Азии центра высшего образования, если только срочно и решительно не возьмется за образовательную реформу. Высшее образование — это фактор экономического развития, так что Министерство по развитию человеческих ресурсов и Министерство торговли Индии должны объединить усилия и разработать новый совместный план развития экономики через высшее образование.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2018.94.10518>

Рост числа сверхкоротких зарубежных стажировок японских студентов

Юкико Симми

Юкико Симми — старший преподаватель Института права Центра глобального образования Университета Хитоцубаси (Токио, Япония). E-mail: yshimmi@gmail.com.

С середины 2000-х годов японские студенты стали больше замыкаться на собственной культуре (о возможных причинах этого я писала в статье, опубликованной в 2012 году в 66-м выпуске «Международного высшего образования»). В последнее время японские студенты стали гораздо чаще уезжать на сверхкороткие зарубежные стажировки, от недели до месяца. Их количество, по данным Японской организации по делам студентов (JASSO), утроилось за период с 2009 по 2016 год — с 16 873 до 60 145. Это отражает новую глобальную тенденцию среди студентов, особенно в развитых странах. В этой статье речь пойдет о причинах этого явления в Японии и связанных с ним проблемах.

Новая политика японского правительства относительно обучения за рубежом

В послевоенный период основным приоритетом японского правительства по интернационализации было привлечение в страну иностранных студентов. Однако, когда в конце 2000-х годов число обучающихся за границей японских студентов начало снижаться, правительство (под руководством премьер-министра Абе) решило стимулировать исходящую мобильность, чтобы подготовить для японских компаний сотрудников, которые умели бы мыслить широко и глобально. До этого возможность обучения за границей считалась исключительно личным делом конкретного человека, поэтому правительство практически никак не поддерживало молодых японцев, которые уезжали учиться за рубеж. В рамках новой политики по стимулированию зарубежных стажировок правительство выделило средства в форме индивидуальных стипендий для студентов и конкурсного финансирования для вузов на создание систем поддержки для расширения выбора зарубежных стажировок для студентов. В 2008 году правительство увеличило бюджет JASSO на стипендии, выделяемые студентам японских университетов на обучение за рубежом. Претендовать на эти стипендии могут студенты, которые едут на стажировку продолжительностью от 8 дней до года по одной из программ мобильности своего вуза. Число получателей таких стипендий выросло с 627 в 2008 году до 22 000 в 2017 году. Кроме того, в 2014 году была

запущена новая стипендиальная программа «Тобитате!» («Прыжок в будущее!»), являющаяся государственно-частным партнерством, то есть она финансируется и государством, и частными компаниями. Стипендию «Тобитате!» можно получить на обучение за рубежом продолжительностью от 28 дней до двух лет. К 2017 году по стипендии «Тобитате!» возможность обучения за рубежом получили около 3000 студентов.

Говоря о конкурсном финансировании для университетов, надо отметить, что с 2011 года в рамках «Меж-университетского проекта по обмену» финансируются двусторонние программы обмена между вузами Японии и других регионов (каждый год выбирается новый регион). По данным на 2017 год, в рамках этого проекта 14 712 студентов из Японии получили возможность учиться за границей, а число иностранных студентов, побывавших в Японии, достигло 15 289. Кроме того, в 2012–2016 годах 42 японских университета получали финансирование в рамках проекта Go Global Japan, направленного на разработку программ зарубежных стажировок, которые позволят студентам обрести новые навыки, востребованные в глобализующемся обществе. Есть и другие программы (например, запущенная в 2014 году программа «Ведущие мировые университеты»), которые тоже поощряют обучение японских студентов за границей.

Неожиданные последствия и трудности

Хотя у всех этих стипендиальных программ и проекта не было такой задачи, университеты намеренно расширили выбор сверхкоротких стажировок, поскольку по целому ряду причин именно такие поездки наиболее удобны для японских студентов. Во-первых, когда стажировка короткая, это не слишком отвлекает от других дел, например от поисков работы в японских компаниях, что обычно происходит в определенное время года, или от подготовки к национальным квалификационным экзаменам, или от участия в жизни различных клубов. Во-вторых, сверхкороткие программы обычно менее затратны, чем более продолжительные. В-третьих, среди японских студентов особенно популярны сверхкороткие языковые курсы, потому что многие из них не владеют иностранными языками в достаточной степени, чтобы проходить обычные курсы в зарубежных университетах наравне с местными студентами.

Итак, благодаря усиленной государственной поддержке последних лет удалось увеличить количество студентов, уезжающих за границу хотя бы на короткий срок, однако количество участников длительных программ практически не выросло. И хотя сверхкороткие программы обмена можно считать первым шагом к тому, чтобы замкнутые на своей культуре японские студенты стали бы немного более открытыми миру, таких поездок недостаточно для качественного повышения уровня владения иностранными языками или выработки навыков кросс-культурного взаимодействия. Аналогичные выводы уже делались и в США, и в других странах.

Чтобы извлечь максимальную пользу из роста популярности сверхкоротких зарубежных стажировок, необходимо создать возможности для того, чтобы и после возвращения домой студенты могли продолжать развивать навыки международного взаимодействия.

Как вырастить более космополитичное поколение

Чтобы извлечь максимальную пользу из роста популярности сверхкоротких зарубежных стажировок, необходимо создать возможности для того, чтобы и после возвращения домой студенты могли продолжать развивать навыки международного взаимодействия. Например, можно поощрять участие в долгосрочных программах обучения за границей, хотя сначала нужно преодолеть существующие сложности, связанные с обеспечением адекватного уровня финансирования, совершенствованием практик найма в японских компаниях и разработкой простых механизмов перезачета полученных в иностранных вузах кредитов. Также нужно расширять международную деятельность в японских вузах, причем как в рамках учебной программы (например, через преподавание на английском), так и в рамках факультативной деятельности (языковые обмены, дополнительные занятия, программы наставничества).

В дополнение к вышеперечисленному, чтобы как-то отреагировать на растущий скептицизм в отношении сверхкоротких зарубежных стажировок, необходимо проводить оценку эффективности таких программ и результатов обучения студентов, а также постоянно повышать качество этих программ. Чтобы получить поддержку единомышленников, нужно систематически заниматься сбором и анализом данных о пользе сверхкоротких зарубежных стажировок с точки зрения развития навыков межкультурного взаимодействия. Все эти появившиеся недавно сверхкороткие поездки предназначены главным образом для студентов с базовым уровнем владения иностранными языками, а более продвинутые программы, требующие хорошего владения языками и навыками межкультурной коммуникации (например, для ведения

в иностранных вузах совместных с местными студентами проектов), могут стать дополнительной возможностью для студентов, которые хотят продолжить нарабатывать новые навыки. Чтобы выпускники японских вузов стали более космополитичны, нужно сформировать во время учебы условия, позволяющие студентам эффективно использовать полученный во время сверхкоротких стажировок опыт.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2018.94.10519>

«Колледжи-проводники»: новый тип учебных заведений в Канаде

Дейл М. МакКартни,
Эми Скотт Меткалф

Дейл М. МакКартни — аспирант, Эми Скотт Меткалф — доцент Отделения образовательных исследований Университета Британской Колумбии, Канада. E-mail: dale.mccartney@alumni.ubc.ca, amy.metcalfe@ubc.ca.

Международные студенты бакалавриата — важный источник дохода для вузов многих стран, особенно в условиях сокращения государственной финансовой поддержки. С целью привлечения новых международных студентов канадские университеты вступают в партнерские отношения с так называемыми «колледжами-проводниками» (pathway colleges) или даже просто открывают их у себя. «Колледжи-проводники» — это полуавтономные или управляемые частным образом институты, которые имеют договор о переводе с университетами-партнерами и которые дают иностранным студентам, не обладающим необходимыми для прямого поступления в университеты знаниями или языковыми навыками, возможность в конце концов попасть в университет. Хотя в других странах «колледжи-проводники» существуют давно, для Канады это довольно новое явление, о котором пока практически никто не писал. А если и писал, то в первую очередь о том, что такие колледжи нанимают преподавателей на неполную ставку, о том, что они способствуют «корпоративизации» академического мира, а также о том, что своими рекламными материалами они, возможно, вводят некоторых иностранцев в заблуждение относительно возможности перевода в хорошо известные канадские университеты.

В связи с этим мы хотим привлечь более пристальное внимание к принципам и практике работы таких

колледжей. Мы постарались типологизировать их с учетом имеющихся по Канаде данных, описали основные нежелательные явления, вызванные влиянием таких колледжей на систему государственного высшего образования, и выделили возможные направления для будущих исследований.

Чтобы лучше понять этот феномен, мы изучили 96 вузов, входящих в ассоциацию «Университеты Канады» — организацию национального уровня, которая отстаивает интересы сектора. «Колледжи-проводники» стали очень распространенным явлением: оказалось, что 69 из 96 рассмотренных вузов, или 72% всех канадских университетов, так или иначе связаны как минимум с одним «переходным колледжем». «Колледж-проводник» — довольно новый для Канады тип учебного заведения, поэтому наблюдается высокий уровень организационной вариативности. Наше исследование показало, что можно выделить три основных направления для сравнения таких учебных заведений между собой и таким образом составить общее представление об этом феномене в Канаде. К этим направлениям относятся: тип собственности, учебная программа и механизмы перевода.

Тип собственности

Мы выделили два основных типа собственности среди канадских «колледжей-проводников»: первый — частные партнерства, второй — колледжи, принадлежащие государственным вузам. Из 69 университетов, сотрудничающих с «колледжами-проводниками», в 22 случаях (32%) речь идет о частных коммерческих колледжах. Большинство из них принадлежит крупными международным образовательным компаниям вроде Navitas или Study Group и функционирует независимо от университета-партнера. В своих рекламных материалах эти колледжи обещают абитуриентам вывести их академические или языковые знания «на новый уровень» и открыто подчеркивают возможность впоследствии поступить в университет-партнер. Остальные «колледжи-проводники» (68%) принадлежат непосредственно университетам. Впрочем, границы их деятельности четко обозначены: у них собственные критерии отбора, а их студенты учатся отдельно от основного контингента.

Учебная программа

Эти новые колледжи также можно разделить на группы в зависимости от учебной программы. 44 (64%) из 69 колледжей в нашей выборке предлагают смешанный тип программы, которая включает и языковые, и неязыковые предметы. В каких-то случаях академический компонент может соответствовать целому году четырехгодичной бакалаврской программы или более, а где-то он состоит всего из нескольких курсов. Смешанные программы обещают стать дополнительным подспорьем для студентов, которым нужно подтянуть свои знания или языковые навыки для поступления в университет-партнер. 25 колледжей (36%)

предлагают только языковое обучение или только учат академическому английскому. Они обучают английскому (или — во франкоязычных регионах — французскому), обещая подтянуть студентов до уровня, необходимого для поступления в университет-партнер. «Колледжи-проводники», принадлежащие государственным университетам, немного чаще частных являются языковыми (38% и 32% соответственно), но в любом случае преобладают колледжи со смешанной учебной программой.

**«Колледжи-проводники»
стали очень
распространенным
явлением: оказалось,
что 69 из 96 рассмотренных
вузов, или 72% всех
канадских университетов,
так или иначе связаны
как минимум с одним
«переходным колледжем».**

Механизмы перевода

Последний критерий для сравнения, который позволяет лучше понять этот новый тип учебных заведений, — это собственно механизм зачисления иностранных студентов в университеты. В нескольких колледжах (8 из 69, то есть в 12%) студенты должны по окончании колледжа заново подавать документы в партнерский университет. Но в подавляющем большинстве (88%) канадских «колледжей-проводников» успешное завершение учебы гарантирует студентам прямое зачисление в университет-партнер. Все коммерческие колледжи предлагают прямое зачисление, причем иногда более чем в один вуз. Возможность прямого зачисления чрезвычайно важна с точки зрения привлечения студентов, поэтому корпорации обсуждают этот пункт с университетами, прежде чем формально заключить партнерские отношения.

Анализ

В канадском контексте «колледжи-проводники» — это важный новый тип учебных заведений. Пока сложно оценить эффект, который они оказывают на уже существующие вузы. Тем не менее мы видим, что потенциально влияние частных игроков в сфере высшего образования в странах с крепким государственным сектором вроде Канады может существенно усиливаться. С учетом того, что дифференциация цен

на обучение для местных и иностранных студентов уже заставила многих обратить внимание на принятие в коммерческом секторе модели ценообразования, модель «колледжей-проводников» позволяет «опробовать» приватизацию непосредственно в стенах государственных университетов, причем подвижки в эту сторону находят свое оправдание благодаря уже существующим многочисленным международным и местным примерам. Последствия этого уже видны по тому, как схожи между собой частные «колледжи-проводники» и колледжи, принадлежащие государственным университетам. Это неудивительно, ведь такие переходные образовательные программы приносят вузам существенный доход — как за счет привлечения новых международных студентов, готовых платить полную стоимость, так и за счет того, что международные студенты теперь учатся на год дольше. Если смотреть на системном уровне, «колледжи-проводники» теоретически «крадут» деньги иностранных студентов у муниципальных колледжей, которые тоже активно стараются привлекать международных студентов. В этом смысле можно сказать, что «колледжи-проводники» уже меняют образовательный ландшафт в стране.

Чтобы в полной мере понять степень влияния «колледжей-проводников», нужны новые исследования. В канадском контексте вызывает озабоченность тот факт, что «колледжи-проводники» могут склонить университеты к тому, чтобы те начали зачислять студентов, которые вряд ли смогут хорошо учиться. Другая проблема заключается в том, что студентам «колледжей-проводников» будут недоступны академические и вспомогательные службы, действующие в партнерских университетах: психологические консультации, омбудсмен по делам студентов и т.п. К тому же предварительный анализ говорит, что из-за ориентированности на получение дохода (или даже прибыли) сотрудники «колледжей-проводников» вряд ли имеют возможность создавать профсоюзы и находятся в более уязвимом положении. Необходимы дополнительные исследования на эту тему, потому что усиление воздействия «колледжей-проводников» на государственную систему высшего образования может привести к распространению аналогичных моделей в других вузах из-за роста конкуренции.

Возможно, еще важнее было бы изучить «колледжи-проводники» в международном контексте. Многие образовательные корпорации активны в разных странах, в связи с чем встает вопрос о том, как национальное законодательство влияет на деятельность «колледжей-проводников». Нам интересно, как транснациональные компании унифицируют работу своих колледжей в разных странах (если они вообще это делают), потому что ответ на этот вопрос влияет на наше понимание потоков международной студенческой мобильности и на понимание мирового уровня «корпоративизации» студенческой мобильности, ведь традиционно рассмотрение данной проблемы

ограничивается изучением агентов по привлечению студентов и помощи с подготовкой документов для поступления в вузы. Мы считаем, что распространение «колледжей-проводников» отражает сдвиг в сторону более международной и гибкой модели высшего образования, с большим количеством внутренних взаимозависимостей. Этот процесс также бросает вызов традиционным системам высшего образования и самой идее деления образования на государственный и частный секторы.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2018.94.10520>

Инклюзивная интернационализация: повышение доступности высшего образования

Ханс де Вит, Элспет Джонс

Ханс де Вит — директор Центра по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже (США). E-mail: dewitj@bc.edu.

Элспет Джонс — почетный профессор наук о высшем образовании Городского университета Лидса (Великобритания). E-mail: e.jones@leedsbeckett.ac.uk.

Эта статья является обновленным вариантом текста, опубликованного в 486-м выпуске University World News от 8 декабря 2017 года.

Интернационализация высшего образования происходит не в вакууме. Феномен интернационализации встроен в широкий контекст мирового высшего образования. Элитизм, коммерциализация, высокая стоимость обучения, коррупция, махинации, упор на количество в ущерб качеству — все эти темы часто всплывают в разговорах о международном высшем образовании и, конечно, влияют на интернационализацию. Инклюзивный подход должен учитывать многообразие социально-политических, экономических и демографических контекстов в различных уголках мира. Он должен быть нацелен на решение проблемы недостаточной инклюзивности большинства современных стратегий интернационализации, из-за чего многие студенты по всему миру остаются за ее бортом.

Два основных парадокса

В сфере высшего образования мы сталкиваемся с двумя парадоксами. Во-первых, куда мы стремимся к интернационализации и глобализации, изоляционистские и националистические тенденции ведут во многих странах к разрыву между локальным и глобальным. Во-вторых, хотя в целом краткосрочная и долгосрочная студенческая мобильность по всему миру набирает обороты, на самом деле это миллиардная индустрия, в которую вовлечена лишь небольшая, элитная студенческая прослойка, а 99% мирового студенческого контингента остается за бортом.

Несмотря на то что массовизация высшего образования в развивающихся странах все еще находится на ранней стадии, она уже привела к повышению его доступности. Но к чему стремиться: к равному доступу или к справедливому? Это проблема общего характера, но для международного образования она особенно актуальна. Экономические стимулы и преимущества международного обмена хорошо известны. Тем не менее в ряде развивающихся стран, где только 1–2% студентов могут себе позволить получить диплом зарубежного вуза, отъезд за границу воспринимается отрицательно, как утечка мозгов.

Вернемся к краткосрочной студенческой мобильности. Многие считают ее основным для молодежи способом интернационализации. Но за пределами Европы и США количество студентов, которые могут позволить себе участвовать в программах краткосрочной мобильности, еще ниже, чем количество людей, которые уезжают надолго и получают дипломы иностранных вузов. Иными словами, хотя теории и практики интернационализации уделяют мобильности очень много внимания, на самом деле доля мобильных студентов очень низка. Ассоциация университетов Великобритании недавно провела исследование, которое показало, что студенты из высокообразованных и обеспеченных семей в пять раз чаще участвуют в программах мобильности, чем студенты, чьи родители были безработными. Более того, мобильные студенты получают более высокие оценки и впоследствии зарабатывают больше, чем немобильные, — таким образом, получается, что больше всего от мобильности выигрывают и без того привилегированные группы населения. В целом среди мобильных студентов мало представителей небогатых слоев, этнических меньшинств, мигрантов и людей с инвалидностью.

Рост краткосрочной мобильности

Сделать мобильность более доступной непросто, причем основная трудность связана с нехваткой финансирования. Одним из способов повышения числа мобильных студентов является развитие краткосрочных программ. Как мы знаем, даже краткосрочные программы мобильности (учебные, рабочие стажировки, волонтерские программы) помогают развить навыки широкого применения: навыки командной работы

и управления командой, организационные навыки, навыки управления проектами, навыки решения задач, навыки налаживания контактов, навыки медитации, навыки разрешения конфликтов, навыки принятия решений и умение общаться с людьми. Участие в краткосрочных программах мобильности также может способствовать выработке таких навыков межкультурного взаимодействия, как готовность брать на себя риски, терпение, чуткость, гибкость, открытость, деликатность, уважительность и находчивость.

48 стран — участниц Болонского процесса поставили себе целью добиться того, чтобы к 2020 году доля студентов, участвующих в программах мобильности, достигла 20%. В США, если все пойдет по плану, результат будет примерно такой же. Но даже если заявленная цель будет достигнута, это все равно будет означать, что большинство студентов — 80% — не будет затронуто развитием мобильности. А в развивающихся странах таких студентов примерно 99%. Мобильность важна и нужна, но через развитие одной только мобильности достичь инклюзивной интернационализации не получится.

Внедрение мобильности в учебную программу

Важно понимать, что мобильность — это всего лишь один аспект интернационализированной учебной программы, которая должна быть нацелена на то, чтобы все студенты включились в интернационализацию. Нужно просить студентов, поучившихся за границей, делиться своим опытом. Это полезно не только для них самих, но и для всех остальных. Также нужно активно вовлекать в образовательный процесс студентов иного национального, лингвистического или культурного происхождения. Как отмечают многие авторы, этот подход еще не до конца реализован. Но сам по себе он тоже не приведет к интернационализации учебной программы, для этого нужен более фундаментальный пересмотр содержания образовательных программ, педагогических приемов, методов оценки качества и результатов обучения. Тем не менее внимание к альтернативным точкам зрения положительно влияет на процесс преподавания и обучения.

Как добиться большей инклюзивности?

Мы считаем, что существующие стратегии интернационализации не в состоянии охватить всех, для кого они в идеале предназначены, и потому должны быть пересмотрены с акцентом на студентов и преподавателей, которые никуда не ездят. Пока все студенты не будут вовлечены в интернационализацию, мы рискуем поддерживать элитизм, с которым мы пытаемся бороться. Если мы хотим разрешить описанные выше два парадокса, заикливаться на мобильности нецелесообразно. Большинство студентов в нее все равно не включено, что только подтверждает аргументы национал-популистов, которые считают студенческую мобильность формой интеллектуального элитизма.

Участие в краткосрочных программах мобильности также может способствовать выработке таких навыков межкультурного взаимодействия, как готовность брать на себя риски, терпение, чуткость, гибкость, открытость, деликатность, уважительность и находчивость.

Всеобъемлющая и инклюзивная интернационализация требует, чтобы мы пересмотрели свой способ мышления вне зависимости от контекста, в котором мы живем. Интернационализация для всех должна стать отправной точкой при разработке вузами своих стратегий; вузы должны осознавать, что в интернационализацию должны быть включены все студенты, так как это повлияет на их будущую общественную и профессиональную жизнь.

В общем, для того, чтобы интернационализация была инклюзивной, а не элитистской, нужно решить проблему равного и справедливого доступа, для чего необходимо:

- включить внутреннюю интернационализацию в повестку дня, чтобы обеспечить интернационализацию для всех;
- признать, одобрить и использовать в процессе обучения культурное разнообразие студенческого контингента, включать в учебный процесс различные точки зрения — международных студентов, студентов, участвовавших в программах мобильности, и студентов — представителей меньшинств;
- вовлекать всех представителей вузов в реализацию интернационализации;
- выявлять связи между локальным и глобальным в ходе учебного процесса, в науке, в отношениях с местным сообществом;
- развивать партнерства не только на глобальном, но и на региональном уровне с целью продвижения идей инклюзивной интернационализации.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2018.94.10521>

.....

Достижение положительного эффекта от массовизации образования

Фазал Ризви

Фазал Ризви — профессор магистерской программы «Международные образовательные исследования» в Университете Мельбурна (Австралия). E-mail: frizvi@unimelb.edu.au.

*Это переработанная версия статьи, ранее опубликованной в журнале *Higher Education in Southeast Asia and Beyond* (HESB), издаваемом сингапурским аналитическим центром *Head Foundation*.*

С начала этого века во всем мире высшее образование стремительно расширяется. Массовизация — в том понимании, как ее описал Мартин Трау в 2006 году, — наблюдается не только в богатых, но и в бедных странах, а там, где ее пока нет, она уже на подходе. Беспрецедентно растет доля учащихся. Однако несмотря на то, что это так замечательно звучит, не стоит думать, что массовизация — явление однозначно полезное. Безусловно, стоит порадоваться тому, что высшее образование стало более доступным, однако массовизация породила целый ряд требующих пристального внимания проблем.

Необходимо начать с того, что повышение в обществе доли студентов часто отражает общее повышение экономического и социально-политического благополучия страны. По мере интеграции в глобальную экономику страны неизбежно задумываются о расширении системы высшего образования для использования преимуществ международных капиталопотоков, меняющихся производственных процессов и глобальных цепочек поставок. Поэтому неудивительно, что правительства готовы вкладывать большие суммы в высшее образование, стимулировать привлечение частных инвестиций в развитие новых университетов и колледжей и развивать понимание того, что инвестиции в высшее образование полезны как каждому человеку в отдельности, так и обществу в целом.

Высокая скорость массовизации и реальное положение дел

В таком понимании массовизацию высшего образования, конечно, стоит приветствовать, потому что она помогает повысить уровень образованности в стране и говорит о ее процветании. Однако важно понять, не слишком ли быстро и непродуманно шел этот процесс.

Нужно задаться вопросом, удалось ли массовизированным системам высшего образования справиться со стремительным темпом перемен. В какой мере стимулом к массовизации послужил спрос, а в какой — взвешенное изучение стороны предложения, в какой мере — оппортунизм, а в какой — систематический анализ и стратегическое развитие?

Поскольку спрос на высшее образование среди представителей среднего класса в развивающихся странах стремительно вырос, мы должны спросить: удалось ли правительствам этих стран адекватно подготовить государственные вузы к расширению, обеспечить их необходимыми ресурсами, укрепить их потенциал; были ли подготовлены специалисты, умеющие работать со студентами, которые родились в малообразованных семьях? Правительства большинства стран попытались сгладить рост спроса, разрешив выход на образовательный рынок частным игрокам, чьи ресурсы, уровень сознательности и подготовленности существенно варьируется. Процедуры контроля качества, применяемые к этим поспешно создаваемым частным вузам, мягко говоря, не всегда отвечают высоким стандартам. Более того, нужно задаться вопросом: а обладают ли сами государственные чиновники экспертным потенциалом, необходимым для развития и реализации эффективных механизмов управления деятельностью частных вузов?

Использование технологий нередко называют разумным способом удовлетворить растущий спрос на высшее образование за оптимальные деньги. Но опыт разных стран показывает, что если делать все как предполагается, то онлайн-образование может оказаться гораздо дороже и сложнее, чем традиционное. Наивно думать, что педагогические компетенции в этой сфере можно развить быстро и дешево, не пожертвовав при этом качеством.

Удалось ли правительствам адекватно подготовить государственные вузы к расширению, обеспечить их необходимыми ресурсами, укрепить их потенциал; были ли подготовлены специалисты, умеющие работать со студентами, которые родились в малообразованных семьях?

Целый ряд университетов, как частных, так и государственных, были созданы в развитых странах путем ребрендинга уже существовавших к тому моменту технических колледжей, политехнических школ или педучилищ, без каких бы то ни было существенных изменений в работе или в студенческом контингенте. Многие из этих вузов испытывают острые проблемы с финансированием — их называют «переполненными фабриками». У них нет лабораторий и библиотек, которыми должен обладать любой приличный вуз. Кроме того, мало делается для улучшения системы подготовки профессиональных преподавательских и научных кадров. Понятно, что не каждый преподаватель должен заниматься исследованиями и публиковаться в международных журналах, однако учреждения высшего образования не должны пренебрегать ни обязанностью обеспечивать высокий профессиональный уровень сотрудников, ни академическими ценностями. В связи с этим задача наращивания потенциала вузов должна стать центральной в условиях массовизации.

Институциональное развитие

Поспешное создание новых вузов и расширение уже существующих без соответствующего укрепления их потенциала неизбежно приводит к тому, что выбор учебных программ в развивающихся странах довольно узок и зачастую ограничивается дисциплинами, изучение которых не требует наличия дорогих лабораторий, масштабных библиотек и высококвалифицированных сотрудников. К примеру, последние десятилетия характеризовались значительным ростом числа программ по менеджменту и предпринимательству, которые считаются малозатратными и потому доступными для студентов. А программ по естественным, техническим, инженерным и математическим наукам, наоборот, довольно мало. В связи с этим наблюдается избыток специалистов в одних областях и нехватка в других. Многие выпускники не обладают востребованными у работодателей знаниями и навыками, необходимыми для интеграции местного рынка в глобальную экономику. Многие не находят работу по специальности, из-за чего появляется риск распространения мотивационного кризиса среди студентов и выпускников. Такие люди не смогут внести вклад в развитие национальной экономики и оправдать ожидания, которые правительства возлагают на массовизацию высшего образования.

Все это показывает, что массовизация — это не всегда хорошо. Много зависит от ее целей и результатов, от того, как она была организована и проведена, от того, какой вклад она вносит в развитие востребованных в мировой экономике знаний и навыков.

Повышение доли студентов является необходимым, но не достаточным условием экономического роста и повышения благосостояния общества. Массовизация должна дополняться комплексным подходом к реформированию высшего образования и предполагать

обновление учебных программ и методик обучения, а также реформирование структуры и системы управления вузами. Но прежде всего необходимо развивать потенциал вузов и вводить адекватные меры планирования и обеспечения качества образования. Основным предметом дискуссий о расширении высшего образования должны стать именно подходы к массовизации. Не менее важны более широкие вопросы о целях высшего образования применительно к потребностям экономического роста, а также социального и культурного развития. Все вышеперечисленные задачи нельзя решить, полагаясь только на силы молодого еще рынка высшего образования.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2018.94.10522>

Всеобщий доступ к качественному высшему образованию на Филиппинах

**Мигель Антонио Лим,
Сильви Ломер, Кристофер Мильора**

Мигель Антонио Лим, Манчестерский университет, Великобритания, — советник управления международных связей Университета Филиппин. E-mail: miguelantonio.lim@manchester.ac.uk.

Сильви Ломер — преподаватель наук об образовании Манчестерского университета. E-mail: sylvie.lomer@manchester.ac.uk.

Кристофер Мильора — аспирант Университета Восточной Англии, Великобритания, бывший преподаватель Университета Илоило, Филиппины. E-mail: C.Millora@uea.ac.uk.

По всему миру усиливаются дискуссии о том, кто должен платить за университетское образование. В отличие от властей других стран, правительство Филиппин недавно ввело субсидии для местных студентов на покрытие обучения во всех государственных университетах и колледжах. Закон «О всеобщем доступе к качественному высшему образованию» был подписан 3 августа 2017 года. Он предусматривает «обеспечение адекватного финансирования... для повышения доли студентов среди представителей всех социально-экономических классов». Право на субсидию имеют студенты всех вузов, впервые в жизни получающие бакалаврское образование. Кроме того, этим законом увеличен размер образовательных

займов (с платежами, зависящими от будущего дохода) для самых бедных.

Многие опасаются, что эта политика приведет к массовому оттоку студентов из частных вузов в государственные. Обязательства властей по поддержке как государственных, так и частных вузов закреплены на конституционном уровне, поэтому новый закон разрешает использовать субсидии и на покрытие обучения в частных вузах, но в размере, не превышающем стоимость обучения в ближайшем государственном вузе. Кроме того, студентам полагается финансовая помощь на покупку книг и учебных материалов, оплату транспорта, проживания и других расходов, связанных с обучением. Этот закон отчасти компенсирует давнюю тенденцию к повышению стоимости высшего образования для студентов. Сенатор Бенджамин Акино-четвертый, один из главных инициаторов нового закона, заметил, что бесплатное образование «откроет двери в светлое будущее» и что «перспектива получения диплома о высшем образовании придаст филиппинцам новые силы». Это заявление действительно нашло отклик в сердцах филиппинцев, которые высоко ценят возможность получения высшего образования.

Государственный бюджет на высшее образование заметно вырос за последние годы: с 484,47 млн долларов США в 2010 году до почти что миллиарда долларов США в 2016 году, хотя уровень расходов в расчете на душу населения по-прежнему относительно невысок. Конституция Филиппин обязывает направлять на образование большую долю национального бюджета, поэтому для того, чтобы запустить в 2018 году программу субсидий, федеральное правительство выделило 793 млн долларов США (около 1% бюджета). По прогнозам, в среднесрочной перспективе экономика страны вырастет на 6%, так что страна может себе позволить эти субсидии. Но несмотря на свою популярность, эти новые меры стали предметом ожесточенных споров.

Сторонники и противники

Одна из основных задач нового закона — снизить уровень отсева: пока лишь четверть студентов дотягивает до диплома, и новый закон призван помочь тем, кто отчисляется из-за финансовых сложностей. Таким образом, речь идет не о перераспределении ресурсов, а скорее о помощи студентам последних курсов, которые столкнулись с какими-то трудностями. Еще новый закон должен способствовать равному доступу к высшему образованию. Все заведения профессионально-технического и высшего образования на Филиппинах подчиняются Комиссии по развитию высшего образования, которая занимается их мониторингом и оценкой, а также контролем и повышением качества. В первоначальной версии нового закона предусматривалось, что для каждого государственного вуза будет установлено максимальное количество студентов, которых он может зачислить, и что это количество будет увеличиваться только в случае соблюдения вузом установленных регулятором стандартов качества.

Но в итоговую версию закона это требование не вошло, и сейчас государственные вузы самостоятельно решают, сколько студентов они хотят зачислить.

Представители заинтересованных кругов озвучивают три аргумента против данного закона. Во-первых, в стране уже действует несколько программ, направленных на достижение равного доступа к высшему образованию. Государственные вузы уже получают бюджетные субсидии, а стоимость обучения там существенно ниже, чем в частных вузах. К тому же в рамках действующей системы стоимость обучения для конкретного студента и так пропорционально зависит от дохода его семьи. Во-вторых, от нового закона в непропорциональной мере выигрывают представители среднего и обеспеченного класса, потому что именно их дети составляют большинство студентов государственных вузов. Лишь 12% студентов государственных вузов входят в два беднейших дециля населения, в то время как 17% студентов представляют два самых богатых дециля. Есть мнение, что новый закон неумышленно возымел регрессивный эффект. Национальный студенческий союз озабочен тем, что государственные вузы могут повысить стоимость образования, введя дополнительные взносы, чтобы компенсировать утерю контроля над доходами, поступающими за счет студентов. Эти дополнительные взносы не будут автоматически покрываться за счет субсидий, что сделает положение беднейших студентов еще менее выгодным (плата за обучение составляет всего 20–30% общих расходов, которые студенты несут на протяжении всего периода обучения). В-третьих, снижение стоимости обучения в государственных вузах может привести к массовому оттоку студентов из частных вузов. Частные вузы составляют 88% от действующих в стране 1943 вузов, а государственные — 12%. При этом в государственных вузах обучается примерно 46% студентов, а в частных — 54%. Учитывая, что количество студентов в государственных вузах и так постоянно растет, многие опасаются, что новый закон в итоге радикально изменит сектор высшего образования. Это связано также с повышением продолжительности обязательного школьного обучения с 11 лет до 13. На протяжении переходного периода, который кончается в 2018 году, в вузы поступило меньше человек, потому что абитуриенты вынуждены были бы провести еще один год в школе. Это негативно сказалось на финансовом положении вузов, в особенности частных. За оттоком студентов может последовать и отток преподавателей, потому что в частных вузах зарплата, как правило, ниже, в то время как государственные вузы придерживаются унифицированной государственной зарплатной политики.

Заключение

Потенциально эффект нового закона не ограничивается только экономической сферой, только помощью определенным экономическим группам. Этот закон — мощный сигнал всем бедным студентам и студентам,

испытывающим финансовые трудности, о том, что высшее образование доступно для всех. Используемая риторика «заветной мечты» формирует концепцию благосостояния, заработанного собственным умом и трудом, и в этом контексте, конечно, большую роль играет высшее образование.

Одна из основных задач нового закона — снизить уровень отсева.

Однако встают вопросы о судьбе этой инициативы в долгосрочной перспективе. В принципе, по новому закону, предусматривающему «адекватное финансирование» высшего образования, все граждане Филиппин могут претендовать на обучение в вузах, то есть потенциально высшее образование становится доступным для всех. Население Филиппин довольно молодое и постоянно растет: если в 2006 году в стране насчитывалось 17,6 млн граждан в возрасте 15–24 лет, то в 2016 году — уже 19,9 млн. Когда закончится предусмотренный реформой школьного образования переходный период, в вузы придет еще больше абитуриентов. Поскольку высшее образование остается заветной мечтой многих филиппинцев, количество студентов наверняка увеличится, и неизвестно, заложили ли сторонники нового закона на это соответствующий бюджет. Пункт о максимальных цифрах приема в государственные вузы был исключен из итоговой версии закона, так что можно сделать вывод, что правительство планирует расширять сектор высшего образования, и это подтолкнет руководителей вузов к необходимости увеличивать доход путем привлечения новых студентов. Такое развитие событий еще больше усложнит прогнозируемую ситуацию с оттоком студентов и преподавателей из частных вузов в государственные. Принятый закон реализуем в среднесрочной перспективе благодаря растущей экономике, однако его долгосрочная судьба под вопросом из-за ожидаемого стремительного роста количества студентов.

Но могут ли Филиппины позволить себе не проводить такую политику? Повышение доступности высшего образования, скорее всего, положительно скажется на развитии инновационной экономики в стране и повышении ее конкурентоспособности на региональном рынке. С учетом огромного сектора услуг и стремительной индустриализации Филиппины наверняка выиграют от прироста квалифицированных кадров, обусловленного расширением системы высшего образования.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2018.94.10523>

.....

«Пирамида из шампанского» в мире естественнонаучных журналов

Сабина Сиберт

Сабина Сиберт — профессор менеджмента Бизнес-школы имени Адама Смита, Университет Глазго (Великобритания). E-mail: sabina.siebert@glasgow.ac.uk.

После Второй мировой войны количество публикаций в сфере естественных наук росло экспоненциально: в период с конца 1960-х по 2000 год оно удваивалось примерно каждые 14 лет, но в последнее время темпы прироста ускорились, и теперь удвоение происходит примерно каждые 12 лет. С одной стороны, это можно считать положительным результатом инвестиций в науку, ведущим к ускорению научного прогресса, особенно в развивающихся странах. Но, с другой стороны, экспоненциальный рост публикаций означает, что редакторы журналов перегружены текстами, которые им сложно «переварить», а ученые не успевают читать новые статьи. Чем больше наука производит, тем выше в системе «уровень шума», а значит, ученым труднее отличить надежные источники от ненадежных. В связи с этим ученые все чаще задаются вопросом, в состоянии ли научное сообщество контролировать качество постоянно растущего объема научных текстов.

Дефицит места в ведущих журналах

В моем исследовании, поддержанном Британской академией, я изучала избыток статей в естественных науках и искала ответ на вопрос о распределении направляемых на рассмотрение статей между журналами. Как и следовало ожидать, оказалось, что публикации в ведущих журналах Cell, Nature или Science — заветная цель каждого ученого, потому что они гарантируют гранты, новые должности и членство в редколлегиях. Успех научной карьеры зависит от количества публикаций в этих престижных журналах.

...неудивительно, что журналы открытого доступа берут с авторов деньги за публикацию, причем иногда немалые.

Кроме того, ученые понимают, что наличие одной такой публикации повышает шансы на публикации в ведущих журналах в будущем. Но все эти журналы искусственным образом поддерживают дефицит печатной площади, о чем Нил Янг и его коллеги написали в 2008 году знаковую статью, в которой они назвали эту проблему «проклятием победителя». Они сравнили ограничение числа страниц в престижных журналах с экономическим явлением искусственного дефицита, когда нужно ограничить поставки определенного ресурса. В прошлом, до эпохи цифровых журналов, ограничения были обоснованны, но сейчас становится все сложнее объяснить высокий уровень отказа чем-то еще, кроме как тем, что низкий процент одобряемых статей обеспечивает их авторам дополнительный престиж.

Иерархия естественнонаучных журналов

Итак, что же происходит со статьями, которые три вышеупомянутых журнала не приняли? Большинство опрошенных говорит, что отправляют забракованную статью в журнал уровнем ниже либо в небольшой узкоспециализированный журнал. Впрочем, в последнее время стал популярен новый механизм «спуска» статей вниз по иерархической лестнице журналов. Некоторые журналы с разрешения автора отправляют забракованные статьи в свои дочерние журналы, которые издаются под тем же брендом. Например, пакеты Cell, Nature и Science теперь включают в себя также небольшие журналы, где публикуются качественные работы, недотянувшие по уровню до основных журналов. К примеру, редакторы Science отправляют статьи в такие дочерние журналы, как Science Immunology, Science Advances, Science Robotics или Science Signalling. Формально цель этого механизма — помочь авторам как можно скорее и беспрепятственно опубликовать свои статьи. Конечно, это удобно для авторов, потому что такой механизм позволяет им опубликоваться быстрее, чем при других условиях. Для журналов это выгодно тем, что издатели охватывают таким образом более крупный сегмент рынка. Один из опрошенных мной редакторов отметил следующее: «Если у вас есть статья, которую вы прочитали и забраковали, то ваша финансовая модель говорит вам, что вы ничего не заработали, то есть вы потратили деньги, но ничего не приобрели. А если вы “спускаете” эту статью дальше... она будет опубликована в принадлежащем вам же немного менее престижном журнале открытого доступа, таким образом вы монетизируете рассмотрение текстов». Так что неудивительно, что журналы открытого доступа берут с авторов деньги за публикацию, причем иногда немалые. Некоторые редакторы менее крупных журналов озабочены тем, что подобная система укрепляет монополию крупнейших игроков рынка, потому что забракованные статьи просто поглощаются дочерними журналами. Редакторы журналов среднего звена, небольших журналов и специализированных изданий

обеспокоены тем, что статьи, которые раньше направлялись к ним, теперь публикуются в журналах, принадлежащих трем крупнейшим «семьям»: Cell, Nature, Science. Один редактор так сказал о бренде Nature: «Nature — один из наиболее влиятельных брендов в мире, более влиятельный, чем большинство брендов индустрии моды. Люди стремятся во что бы то ни стало попасть в этот журнал. Само его имя стало синонимом престижа, качества и успеха научной работы». Безусловно, для всех авторов важно публиковать статьи быстро и беспрепятственно, поэтому описанный механизм перераспределения статей выгоден не только для редакторов, но и для ученых. И мое исследование это подтвердило: отправляя статью, например, в Nature, некоторые авторы заранее имеют в виду, что в конце концов она может оказаться, скажем, в Nature Communications. Однако эта тенденция огорчает редакторов небольших специализированных журналов, которые чувствуют, что крупные бренды таким образом просто вытесняют их с рынка. Если количество статей, отправляемых на рассмотрение в крупные престижные журналы, увеличивается, то в небольших журналах (с импакт-фактором менее 10) этот показатель, наоборот, падает, а значит, сокращается и их доля на рынке. Редакторы таких журналов хотели бы получать больше статей, но, как пессимистично заметил один из них, «будущее это рынка — это борьба за авторов».

«Пирамида из шампанского» естественнонаучных журналов

На мой взгляд, лучше всего иерархичность естественнонаучных журналов отражает метафора пирамиды из шампанского. Как и научные журналы, бокалы для каскада выстраиваются в форме пирамиды. На верхушке научной пирамиды — самые элитные журналы (Cell, Nature, Science), на нижнем уровне — самые малопrestiжные издания. А между ними — журналы разного уровня в зависимости от их импакт-фактора. Статьи, не принятые в самые престижные журналы, «переливаются», как и шампанское, на уровень ниже и по мере этого «теряют пузырьки». Как иногда цинично говорят редакторы, каждый где-нибудь когда-нибудь да опубликуется. Но раз малопопулярные журналы поглощают забракованные статьи, стоит задуматься о том, кому принадлежат все «бокалы»: небольшим специализированным журналам, которые издаются научными ассоциациями, или журналам, принадлежащим крупным издательским домам? Кто выигрывает от сложившейся ситуации, а кто проигрывает? Пока изученный мной механизм очень распространен в естественных науках, но он все чаще применяется и в социальных науках. И я считаю, что, прежде чем полностью перенять эту практику, редакторы изданий в сфере социальных наук должны тщательно взвесить все плюсы и минусы.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2018.94.10524>

.....

Анализ журналов о высшем образовании

Малкольм Тайт

Малкольм Тайт — профессор наук об образовании Ланкастерского университета (Великобритания). E-mail: m.tight@lancaster.ac.uk.

Пожалуй, важнейшим вместилищем научных данных о высшем образовании являются специализированные журналы, поэтому, исследователь ты в этой области или просто интересуешься этой тематикой, важно иметь о них хоть какие-то представления. Сколько их всего? Чему они уделяют внимание? Кто их издает? Где? Как давно они появились? Как много статей они публикуют? Какие журналы лучше? Чего ждать в будущем?

В этой статье собраны краткие ответы на эти вопросы, хотя их нельзя назвать исчерпывающими, потому что сам предмет исследования довольно переменчив. Проведенное мной исследование ограничивается рецензируемыми англоязычными научными журналами, которые посвящены исключительно исследованиям в области высшего образования. Есть, конечно, множество ненаучных журналов о высшем образовании, и бывают научные журналы, которые иногда публикуют статьи о высшем образовании. Множество журналов выходит на китайском, испанском, немецком, португальском, русском, французском и других языках. Они не были охвачены моим исследованием, хотя, конечно, тоже заслуживают внимания.

Сколько существует журналов и чему они посвящены?

Ответить на этот вопрос сложно даже с учетом вышперечисленных ограничений. Не существует фиксированного списка научных журналов. Каждый год появляются новые журналы, а старые закрываются, меняют название или сливаются с другими. Центр по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже ведет собственный реестр, но туда включены, помимо прочего, журналы, посвященные не только высшему образованию, а также некоторые журналы ненаучного характера.

По этой причине я за последние пару лет составил новый список. Это происходило путем записывания названия каждого нового, незнакомого журнала и последующего поиска информации о нем в интернете. В результате в мой список вошел 121 англоязычный научный журнал, посвященный только высшему образованию. (Было бы глупо утверждать, что это исчерпывающий список, — как вообще можно составить исчерпывающий список? Наверняка некоторые журналы упущены из виду, особенно новые

онлайн-издания, узкоспециализированные издания и/или журналы, издаваемые относительно малоизвестными организациями.) Большинство (79) обнаруженных мной журналов посвящено какой-то конкретной теме или сектору. Есть, например, журналы о качестве образования, о религии, о научной деятельности, о муниципальных колледжах, о многообразии в высшем образовании, о международных студентах, об управлении, о работе со студентами, о преподавании, о женщинах, об обучении без отрыва от производства. Для сравнения: журналов общего плана, о конкретных дисциплинах или о странах гораздо меньше (19, 19 и 4 соответственно).

Кто их издает и где?

По типу издателя журналы делятся примерно поровну: одна половина принадлежит научным сообществам (вроде Ассоциации сотрудников вузов по делам студентов (NASPA) или Общества исследований высшего образования (SRHE)), другая половина — издательским домам (например, «Спрингер», «Тейлор и Фрэнсис»). В случае с некоторыми журналами, в особенности молодыми онлайн-изданиями, выявить владельца не удалось. Если смотреть по странам, 56 из рассмотренных журналов были запущены в США, 28 — в Великобритании, по 6 — в Австралии и Канаде, 9 — в восьми других странах. Страну происхождения 16 оставшихся журналов установить не удалось.

Судить о национальной или международной ориентации журналов можно по составу их редколлегий (этой информации нет по 7 журналам). Редколлегии 54 журналов состоят из представителей одной страны, причем чаще всего (47) это граждане США. Состав редколлегий 42 журналов можно по праву назвать международным. В остальных 18 журналах состав редакторов можно охарактеризовать как «расщепленный»: большинство редакторов находится в какой-то одной стране, а остальные распределены по миру.

Как давно журналы существуют и каков их объем?

Самый старый из журналов в моем списке, *Academic Medicine*, начал выходить в 1926 году. Затем, в 1930 году, начал издаваться первый журнал широкого профиля, *Journal of Higher Education*, а первый неамериканский журнал, *Higher Education Quarterly*, появился в 1947 году. Но настоящий бум исследований в области высшего образования начался в 1970-х годах, когда было запущено 18 (из ныне действующих) журналов, а всего на тот момент выходило 40 периодических изданий о высшем образовании. В 1980-х годах появилось еще 12 журналов, в 1990-х годах — еще 15. 54 издания из моего списка начали выходить после 2000 года. Не стоит забывать, что еще минимум дюжина журналов успела закрыться за описанный период, а некоторые журналы слились с другими и «растворились».

**В список вошел
121 англоязычный научный
журнал, посвященный
только высшему
образованию.**

Крупнейшим по объему журналом в моем списке оказался *Studies in Higher Education*, в котором за 2016 год было в общей сложности 2286 страниц. Вторым по объему стал *Academic Medicine* с 1707 страницами, третьим — *Higher Education* с 1646 страницами. Всего в 2016 году 14 журналов опубликовали более 1000 страниц каждый. При этом были журналы с менее чем сотней страниц: это либо относительно новые, либо очень узкоспециализированные издания. Таким образом, в одном только 2016 году найденные мной журналы опубликовали в общей сложности более 40 000 страниц. Если предположить, что одна печатная страница содержит в среднем 400 слов, то речь идет о 16 млн слов за один только год!

**Какие журналы лучше
и чего ждать в будущем?**

Благодаря индикаторам SCImago, описывающим относительный уровень цитируемости огромного количества журналов, их можно различным образом ранжировать. Среди изданий о высшем образовании самый высокий рейтинг (3,561 за статьи, опубликованные в 2015 году) у специализированного журнала *Internet and Higher Education*. Затем идет *Academic Medicine* (2,202) и три журнала общего профиля с практически одинаковым рейтингом: *Research in Higher Education* (1,724), *Higher Education* (1,717) и *Review of Higher Education* (1,703). Рейтинг больше 1 обладает еще восемь журналов. Среди 13 наиболее авторитетных журналов о высшем образовании есть престижные старые издания и относительно новые, большие и довольно маленькие, семь из них международные, а три — полностью американские, остальные три имеют смешанный редакционный состав.

Логично предположить, что количество журналов и общий объем статей о высшем образовании продолжат увеличиваться по мере роста интереса к расширяющемуся сектору высшего образования. Бумажные версии журналов по большей части прекратят выходить, почти все статьи будут доступны онлайн. Продолжится тенденция к переводу многих журналов и статей в открытый доступ, но некоторые престижные высококачественные журналы, скорее всего, будут продолжать взимать плату за скачивание.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2018.94.10525>

Исчезновение государственной монополии

Дэниел К. Леви

Дэниел К. Леви — заслуженный профессор отделения образовательной политики и управления образованием Университета штата Нью-Йорк в Олбани (США). E-mail: dlevy@albany.edu.

Мы регулярно публикуем материалы, подготовленные сотрудниками PROPHE (Программы по изучению частного высшего образования).

Стремительное расширение частного высшего образования за последние полвека отражается не только на росте абсолютного количества студентов, но и на увеличении доли частных вузов на рынке высшего образования. Сейчас в частных вузах обучается 60 млн человек, около трети от общего числа студентов в мире.

Рост частного сектора проходил параллельно с беспрецедентным расширением государственного сектора. При этом надо признать, что в результате этих процессов государство, по сути, потеряло свою монополию на высшее образование. Под государственной монополией мы понимаем простое отсутствие частных вузов — либо в силу законодательного запрета, либо просто в силу обстоятельств. Частные вузы, лишившие государство его монополии, делятся на коммерческие и некоммерческие, при этом в целом некоммерческих вузов в мире больше, но обе группы продолжают расти в численном отношении, а граница между ними постепенно размывается.

Долгое время государственная монополия на высшее образование воспринималась как норма. Еще в 1989 году так было и в Африке, и в арабских странах, и в Восточной Европе, и в некоторых частях Азии. Справедливости ради стоит сказать, что в Латинской Америке госмонополия кончилась раньше, а во многих развивающихся странах ее практически никогда и не было — там давно сформировался крупный негосударственный сектор. В результате распространения коммунизма к середине XX века государственная монополия на высшее образование в мире усилилась. Впоследствии в некоторых странах (например, Турции, Пакистане) прошла национализация частного сектора.

Исчезновение государственной монополии

Но наблюдающееся в последние десятилетия обрушение госмонополии нельзя ни с чем перепутать. Резким толчком к этому послужило начавшееся в 1989 году падение коммунизма в странах Восточной Европы

и Средней Азии. С тех пор количество стран, где существуют только государственные вузы, стабильно сокращалось.

По данным ЮНЕСКО, на 2000 год в мире насчитывалось 39 стран без частных вузов, а в 2010 году — уже всего 24. Это 24 из 179 стран, предоставивших данные с разбивкой по секторам. Но более внимательный анализ исследователей PROPHE показал, что государство сохраняет за собой монополию на высшее образование лишь в 10 странах: Алжире, Бутане, Греции, Джибути, Люксембурге, Мьянме, Туркменистане, Узбекистане, Эритрее и на Кубе.

Удивительно не только то, что этот список так короток, но и то, что неожиданным образом некоторые страны в него не попали. Так, коммунистический Китай еще в начале 1980-х годов отказался от государственной монополии на высшее образование, а вскоре его примеру последовал и коммунистический Вьетнам, и сейчас около 15% рынка в этих странах приходится на частные вузы. (Северная Корея не входит в число упомянутых 179 государств, но даже там, как ни удивительно, есть один негосударственный — евангелистский — университет.) В Турции, как и в Китае с Вьетнамом, разрешены любые частные вузы, за исключением религиозных. Начиная с 1980-х годов ни одно из левопопулистских правительств латиноамериканских стран даже не пыталось закрыть частные вузы.

Более того, даже упомянутый выше короткий список из десяти стран не дает в полной мере оценить сократившиеся масштабы госмонополии. Во-первых, три страны из этих десяти — очень маленькие, в них учится менее 10 000 студентов; в других трех странах количество студентов не превышает 300 000. Лишь в Алжире, Греции, Мьянме и на Кубе сохраняется крупная система государственного высшего образования. Во-вторых, в некоторых странах (Греции, Туркменистане, Узбекистане) разрешена международная или трансграничная образовательная деятельность, то есть, по сути, деятельность частных образовательных организаций. Формально в этих странах нет частных вузов просто потому, что они не имеют государственной аккредитации и не выдают дипломы государственного образца. И вообще не все частные вузы выдают признаваемые государством дипломы об образовании.

Зыбкая десятка

В некоторых из десяти вышеперечисленных стран (например, в Мьянме) уже идет активная общественная дискуссия о том, чтобы разрешить создавать частные вузы, и разрабатываются соответствующие законопроекты. В Алжире, крупнейшей из стран, где действуют только государственные вузы, уже несколько лет звучат конкретные предложения по развитию частного сектора высшего образования. Предвестником создания полноценных частных вузов является лицензирование иностранных образовательных программ.

Рост частного сектора проходил параллельно с беспрецедентным расширением государственного сектора.

С политической точки зрения нельзя не заметить, что рассматриваемые страны имеют определенный политический уклон, что, конечно, влечет за собой определенные последствия: речь идет о странах с явно левым политическим режимом (как бы расплывчат этот термин ни был). Конечно, как мы уже убедились, левизна не гарантирует, что монополия на высшее образование в стране будет принадлежать государству; наоборот, удивительно, как частные вузы хорошо в наше время чувствуют себя в странах с левым политическим режимом и как неустойчива госмонополия на высшее образование. Впрочем, нельзя и отрицать, что перечисленные десять стран гораздо «левее», чем остальные 169.

Самый яркий пример — Куба. Это единственная во всем американском регионе коммунистическая страна — и единственная же страна, где частное высшее образование запрещено. Пока на Кубе не наблюдается никакого движения в сторону открытия частных вузов. Среди 20 других стран Латинской Америки последним от госмонополии на высшее образование отказался Уругвай, причем еще в 1985 году. В Европе долгое время страной с самым активным государственным вмешательством в социально-экономическую жизнь оставалась Греция. Самым «левым» среди всех «-станов» традиционно считается Туркменистан (раньше с ним в паре был Таджикистан, но там недавно отказались от госмонополии на высшее образование). Политический режим Мьянмы на протяжении полувека ее независимости можно охарактеризовать как репрессивный, но с уклоном в социализм. Госмонополия в Алжире обусловлена не только французским колониальным наследием (бывшие французские колонии традиционно в меньшей степени предрасположены к приватизации, чем бывшие британские), но и политической левизной. Тот факт, что многие левые страны покончили с государственной монополией на высшее образование, не сулит этому феномену ничего хорошего, равно как и то, что некоторые страны, где еще действует госмонополия, уже предпринимают первые шаги на пути к либерализации рынка. В целом в современном мире в самых разных сферах общественной жизни наблюдается уклон в сторону приватизации.

Независимый наблюдатель, уделяющий меньше внимания политической идеологии и больше — организационным и системным тенденциям, мог бы просто

отметить, как появляются и закрепляются новые явления. Сначала государственные вузы существовали лишь в некоторых странах, но постепенно появились почти во всех, а сейчас то же самое происходит с частными вузами. И с государственными, и с частными вузами происходило примерно одно и то же: сначала в стране появляется один вуз, потом несколько, а потом они распространяются по всей территории. Но вне зависимости от того, действительно ли мы наблюдаем конец госмонополии на высшее образование или она еще возродится, предсказательство — не цель этой статьи. Во-первых, предсказывать развитие отношений между частным и государственным сектором не просто: могли ли исследователи времен устойчивой госмонополии предсказать масштабы, до которых разрастется сектор частного высшего образования? Цель этой статьи — выявить направления потенциального развития. Двухсекторная система высшего образования уже стала новой нормой практически во всем мире. Стремительное расширение высшего образования примечательно даже не конкретными цифрами, а своей вездесущностью. Государственная монополия на высшее образование — это теперь редкость.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2018.94.10526>

Новый взгляд на частное высшее образование в Бразилии

Таржину де Араужу Филью

Таржину де Араужу Филью — профессор Федерального университета Сан-Карлуса (Бразилия), в настоящее время — приглашенный исследователь Центра интернационализации высшего образования Католического университета Святого Сердца в Милане (Италия) по бразильской стипендиальной программе CAPES-PGCI. E-mail: targino@ufscar.br.

За последнее время в «Международном высшем образовании» вышло две статьи о частных вузах Бразилии: одна — о рисках роста коммерческого частного сектора, другая — о том, что именно этот сектор является двигателем роста бразильской экономики. Последнее заслуживает более внимательного изучения с учетом того, что 76% студентов бакалавриата Бразилии учатся именно в частных вузах, что делает страну мировым лидером по доле частного высшего образования.

Расширение бразильской системы высшего образования всегда происходило за счет негосударственного сектора, состоящего преимущественно из религиозных и некоммерческих вузов, при этом частные вузы гармонично дополняли государственные. Со временем ситуация изменилась, и к 1997 году в частных вузах учился 61% студентов. Новым толчком к развитию частного сектора стала легализация коммерческих вузов, которая привела к тому, что в 2015 году в стране действовало 2364 вуза, включая 2069 частных, примерно половина студентов обучалась в коммерческих вузах.

Принятие коммерческой логики

Пользуясь поддержкой инвестиционных фондов (преимущественно иностранных), коммерческие вузы начали скупать небольшие вузы, объединяться с другими, продавать свои акции на фондовой бирже — в общем, превратились в крупные коммерческие компании. Одиннадцать таких компаний обучает около 40% студентов, причем примерно половина из них обучается в одной из компаний. Четыре из 11 вузовских компаний не торгуют акциями, три компании зарегистрированы в Северной Америке. Оставшиеся четыре, включая две крупнейшие, зарегистрированы в Бразилии как открытые акционерные общества, а поскольку их основными акционерами являются международные инвестиционные фонды, эти компании входят в наиболее рентабельный сегмент бразильской фондовой биржи (BM&FBovespa). Две крупнейшие образовательные компании в 2016 году хотели провести слияние, но оно было заблокировано Административным советом по экономической защите Бразилии (CADE). Безусловно, можно говорить об олигополизации сектора частного высшего образования, что несет в себе определенные риски.

Если рассматривать отдельные ниши рынка высшего образования, больше всего инвестиций привлекают малозатратные программы, не требующие наличия дорогих лабораторий или высокооплачиваемых профессоров, например программы по бизнес-управлению или юриспруденции. Всего на подобных программах обучается около 38% студентов страны, и 86,8% от их числа — в частных вузах. Для таких программ характерна вечерняя форма обучения, а их целевая аудитория — взрослые люди, а не только что окончившая школу молодежь. Частные вузы доминируют и в сфере дистанционного бакалаврского образования: там на них приходится 91% «удаленных» студентов. И опять же, наиболее популярны программы в сфере социальных наук, бизнес-управления и права (44%) и педагогических наук (38%).

На уровне магистратуры и аспирантуры ситуация прямо противоположная из-за стоимости содержания лабораторий, библиотек и затрат на зарплату исследователей, так что здесь на частные вузы приходится всего 19% студентов. По сути, в Бразилии система подготовки магистров и аспирантов является

государственной, что заставляет по-новому взглянуть на эту страну как в контексте латиноамериканского региона, так и в мировом контексте, ведь Бразилия занимает 14-е место в мире с точки зрения научной продуктивности.

Влияние на качество студенческого контингента

Хотя на частные вузы приходится 76% студентов, в них работает лишь 57% всего профессорско-преподавательского состава страны, что указывает на возможную нехватку кадров. К тому же в государственных вузах у 56,5% преподавателей есть степень PhD, а у 29,6% — хотя бы степень магистра, в то время как в частных вузах эти показатели составляют 20,7% и 48,1% соответственно. По оценкам, в государственных вузах 84% преподавателей работают на полную ставку, а в частных — только 37%. Из-за этого качество вузов значительно различается. По шкале от 1 до 5, где 3 — минимально приемлемый уровень, качество оценивается не менее чем на 4 в 32,8% государственных вузов и всего в 15,5% частных. Если рассматривать только университеты, то там этот показатель достигает 59% и 20% соответственно.

Эти данные намекают на то, что для многих самоцелью становится просто получение «корочки». Иначе говоря, похоже, что некоторым студентам все равно, какой получать диплом, лишь бы он был, а качество образования их не очень волнует, так что их выбор образовательной программы определяется легкостью поступления или отсутствием выбора. К тому же можно сделать вывод, что повышение доступности образования за счет расширения частного сектора вовсе не является признаком демократизации высшего образования, ведь опций, из которых можно выбирать, по-прежнему немного.

Последствия

Массовизация высшего образования в Бразилии только началась, и пока в вузах учится всего 18% молодежи соответствующего возраста. В 2014 году правительство одобрило новый Национальный образовательный план, по которому через десять лет доля студентов среди молодежи должна достичь 33%, причем 40% студентов будут учиться в государственных вузах, а доля ВВП, выделяемая на поддержку образования, должна быть увеличена до 10%. Достичь этих целей непросто, но не невозможно, если учитывать проходившие в 2013–2014 годах в секторе федеральных государственных вузов процессы расширения и капилляризации. В результате этих процессов количество студентов бакалавриата и магистратуры в государственных вузах удвоилось, было создано 15 новых университетов и открыто 173 новых филиала уже существующих университетов. Эти результаты имели серьезное социальное значение, поскольку благодаря закону о квотах федеральные университеты достигли в 2016 году поставленной перед ними цели увеличить

долю выпускников государственных школ среди первокурсников до 50%. В Бразилии то, что человек окончил государственную школу, свидетельствует о его бедном происхождении. Тем не менее в дополнение к квотам для выпускников государственных школ закон также предусматривает 25-процентную квоту для абитуриентов из семей с подушевым доходом ниже полутора МРОТ. Наконец, закон прописывает, что темнокожие, представители племенных народностей и люди с инвалидностью тоже должны приниматься в вузы по квоте как минимум в таком процентном соотношении, которое бы отражало их долю в населении штата, где расположен университет.

Хотя на частные вузы приходится 76% студентов, в них работает лишь 57% всего профессорско-преподавательского состава страны, что указывает на возможную нехватку кадров.

К сожалению, происходящие в Бразилии экономические и политические процессы могут затормозить дальнейшее расширение сектора государственного высшего образования. Наоборот, судя по принятым недавно правительством экономическим мерам, может начаться откат: так, федеральное правительство решило заморозить расходы на ближайшие 20 лет. К тому же чиновники и СМИ опять разводят разговоры о том, что государственные университеты слишком дорогие, что они слишком много тратят и что такая страна, как Бразилия, не может себе позволить их содержать. Бюджетные ресурсы не воспринимаются как инвестиции в государственный суверенитет или способ нахождения решений проблем, характерных для других стран. Это очень неоднозначный момент, пока все указывает на начало стагнации либо на продолжение низкокачественной массовизации высшего образования, что вряд ли сыграет положительную роль с точки зрения социально-экономического развития Бразилии.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2018.94.10527>

.....

Студенческая мобильность и трудоустройство: опыт Эфиопии

Вондвосэн Тамрат, Дэмтью Тефerra

*Вондвосэн Тамрат — доцент и президент-учредитель Университета Св. Марии (Эфиопия).
E-mail: preswond@smuc.edu.et, wondwosentamrat@gmail.com.*

*Дэмтью Тефerra — профессор наук о высшем образовании, руководитель образовательной программы в области высшего образования в Университете Квазулу-Натал (Дурбан, ЮАР) и директор-основатель Африканской международной сети высшего образования, профессор.
E-mail: teferra@ukzn.ac.za, teferra@bc.edu.*

Вопросы трудоустройства становятся все более острыми, а вузы, национальные, региональные и международные организации лихорадочно пытаются приспособиться к пугающим реалиям последствий демографического взрыва (то есть большому числу молодежи), массовизации высшего образования и высокой безработице среди выпускников вузов. Где бы это ни происходило, стремительное увеличение числа выпускников приводит к масштабным проблемам, которые сказываются в том числе на качестве образования.

Образование за границей воспринимается как способ повысить свои шансы на рынке труда для тех, кто может себе позволить поехать за границу или кому выпадает такая возможность. Повышение шансов на трудоустройство — один из основных факторов роста студенческой мобильности. Помимо того что она положительно сказывается на академической подготовке человека, опыт международного образования еще и повышает шансы найти работу и дает другие полезные преимущества: помогает развить языковые навыки, способствует личностному и культурному развитию, помогает человеку расширить свой горизонт и выработать востребованные на рынке труда навыки.

Хотя о студенческой мобильности как об одном из аспектов интернационализации пишут довольно много, исследований о связи интернационализации и трудоустройства (в частности, с точки зрения ожиданий и представлений международных студентов) пока недостаточно. Особенно в Африке. В этой статье мы расскажем о некоторых результатах крупного опроса международных студентов из Эфиопии, который позволил понять их представления о влиянии образования на трудоустройство.

Контекст и цели исследования

Надежной статистики на эту тему нет, но, по оценкам, за пределами своей страны обучаются тысячи эфиопов. Наблюдается рост студенческой мобильности и за счет государственных стипендий, и за счет личных средств студентов или их семей. Но информации об образовательных целях и планах студентов, равно как и о сложившихся закономерностях в сфере мобильности, нет.

Проведенное исследование учитывало специализацию студентов и было направлено на изучение представлений эфиопских студентов о связи между заграничным образованием и трудоустройством. Анализировались следующие факторы: мотивация на обучение за рубежом, осознание необходимых для трудоустройства характеристик, планы по окончании вуза.

Портрет респондентов и основные наблюдения

Из 124 приглашенных к участию в исследовании международных студентов онлайн-опросник заполнили лишь чуть более 50%; шесть респондентов согласились дать интервью по «Скайпу». Большинство (80%) респондентов — молодежь в возрасте 18–29 лет. Лишь 11% респондентов оказались старше 30. Женщины составили 59% откликнувшихся. 88% респондентов окончили школу в Эфиопии, 8% — в других странах Африки, остальные 4% — за пределами континента. 57% студентов окончили частные школы, 21,5% — международные школы, 16,9% — государственные и религиозные школы.

На момент проведения исследования респонденты учились в 39 разных вузах на четырех континентах: 50,8% — в Северной Америке, 21,5% — в Азии, 18,5% — в Европе, 9,2% — в других частях Африки. Студенты выбирали вузы, опираясь преимущественно на найденные ими же самими источники, включая рейтинги, а также сайты и брошюры вузов. Влияние семьи, друзей и профессиональных посредников на выбор вуза ограничено, то есть студенты самостоятельно и активно выстраивают свою образовательную траекторию.

Несмотря на то что список вузов, где учились респонденты, довольно впечатляющий (в нем были и университеты Лиги плюща), мало кто из них платил за свое обучение: 72,3% получали стипендию, которая полностью покрывала затраты на обучение, 10,8% — частично. 6,2% студентов получали финансовую помощь от родственников. Лишь 2% самостоятельно оплачивали свое обучение.

Как показал опрос, желание найти работу — главная причина, по которой студенты хотят учиться за границей, что указывает на наличие потенциальной связи между образованием и субъективным будущим исходом. Респонденты убеждены, что заграничное образование — залог их конкурентоспособности, потому что именно такое образование даст им

широкий спектр навыков и открывает новые возможности. Это отражается на том, какие вузы и программы они выбирают. Отвечая на вопрос о том, какие навыки и свойства необходимы, чтобы найти работу, респонденты выделяли готовность ставить чужие и собственные представления под сомнение, умение точно выражать свои мысли, умение говорить и писать на иностранном языке, быстрая обучаемость, умение работать в условиях стресса. Подавляющее большинство респондентов считают, что они отлично подготовлены к выходу на рынок труда — в частности, благодаря умению эффективно распределять время, успешно работать в команде и профессиональным знаниям. Единственные области, где респонденты показали низкий уровень уверенности в своих силах, — это знание/понимание культурных и социальных различий и устное и письменное владение иностранным языком. Студенты также отмечали некоторые интересные особенности учебы в зарубежных вузах, которые обеспечили их дополнительными преимуществами. К ним относятся, например, небольшое число студентов в расчете на одного преподавателя, заинтересованность преподавателей в своей работе, практикоориентированное обучение, система контроля и непрерывного оценивания студентов. В Эфиопии всего этого нет.

К основным критериям выбора зарубежных вузов относятся возможность выработать необходимые для трудоустройства навыки и качества, а также, конечно, качество образования.

Если говорить о планах студентов после окончания обучения, то, как показал опрос, подавляющее большинство из них хотело бы вернуться домой. Но, учитывая тот факт, что на практике мало кто возвращается в Эфиопию и что для страны характерна утечка мозгов, данное наблюдение требует дальнейшего изучения. Аналогичным образом респонденты говорили о своем желании внести вклад в развитие страны, хотя при этом они мало знали о том, какие именно навыки востребованы на родине. Это связано с отсутствием в Эфиопии механизмов обмена информацией между студентами, правительством и потенциальными работодателями.

Заключение

Проведенный опрос выявил связь между интернационализацией и трудоустройством путем анализа таких факторов, как мотивация на учебу за границей и выявление навыков, которые считаются ключевыми для трудоустройства (на основе мнений, высказанных эфиопскими студентами, которые учатся за рубежом). Студенты из Эфиопии хорошо осведомлены о преимуществах иностранного образования (оно существенно повышает их шансы на рынке труда), что видно по тому, какие вузы и образовательные программы они выбирают. К основным критериям выбора зарубежных вузов относятся возможность выработать необходимые для трудоустройства навыки и качества, а также, конечно, качество образования. Это стоит учитывать местным вузам при разработке учебных планов и построении образовательного процесса.

Наконец, нехватка информации об эфиопских студентах, обучающихся за рубежом, указывает на необходимость систематического учета и анализа этой категории граждан для более эффективного кадрового планирования и развития. Это важно и для властей, и для бизнеса, и для неправительственных организаций, и для информационно-аналитических центров. Подобная работа дала бы возможность использовать огромный потенциал живущей за пределами родины эфиопской интеллигенции и помогла бы более глубоко понять различные аспекты интернационализации и международного высшего образования.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2018.94.10528>

.....

Обеспечение качества высшего образования в Гане: достижения и трудности

Патрик Суонзи, Патрисио В. Ланга, Фрэнсис Анса

Патрик Суонзи — постдокторант, Патрисио В. Ланга — доцент Института исследования высшего образования Университета Западно-Капской провинции (ЮАР). E-mail: 3748273@tyuwc.ac.za, planga@uwc.ac.za.

Фрэнсис Анса — исследователь Института планирования и управления образованием Университета Кейп-Коста (Гана). E-mail: boansah@gmail.com.

Качественное высшее образование — основная возможность для ускорения развития конкурентной информационной экономики в Африке. Осознание этого факта усилило понимание необходимости эффективных механизмов контроля качества высшего образования африканских стран, хотя вопрос прямой взаимосвязи между качеством образования и механизмами контроля качества все еще остается спорным.

События последних лет в Африке указывают на рост интереса к механизмам контроля качества как к инструментам повышения актуальности высшего образования с учетом потребностей развивающегося общества. К примеру, Африканский союз запустил сразу несколько инициатив по повышению качества вузов континента, среди которых Ассоциация африканских университетов, Африканская стратегия по гармонизации высшего образования, пилотный проект Tuning Africa и Африканский механизм сравнительной оценки качества. Еще одна недавняя инициатива, «Совместный стратегический план развития Африка — ЕС на 2014–2017 годы», выделяет контроль качества в качестве основного инструмента укрепления африканского высшего образования. Ежегодно проходящая Международная конференция по контролю качества высшего образования в Африке стала площадкой для обсуждения новых идей и стратегий по обеспечению качества образования.

К 2015 году национальные агентства контроля качества высшего образования существовали уже примерно в 25 африканских странах, еще около дюжины стран были очень близки к созданию таких органов. Как и во многих других государствах, в Гане система контроля качества стала ключевым элементом стратегии обновления высшего образования. С тех пор как в стране появились первые вузы, Гана перепробовала множество стратегий, связанных с качеством высшего образования.

Исторические связи

Система высшего образования Ганы зародилась в колониальный период в «наставнической» форме. Когда в 1948 году был создан Университет Золотого Берега (ныне Университет Ганы), он подчинялся Лондонскому университету и, следовательно, должен был соответствовать лондонским академическим стандартам. Связь между вузами оборвалась в 1957 году, когда Гана стала независимым государством. Университет Ганы обрел самостоятельность, но сложившиеся внутренние механизмы были настроены на поддержание высоких академических стандартов, доставшихся вузу в наследство от «колониального наставника».

Подчинение как способ обеспечения качества стало использоваться в Гане и в постколониальный период. Так, поначалу Университет Ганы имел статус «наставника» по отношению к Научно-техническому универ-

ситету имени Кваме Нкрумы (основан в 1961 году) и Университету Кейп-Коста (основан в 1962 году), пока те не получили лицензию. Затем эти университеты сами стали «наставниками» для новых вузов, которым нужно было передать академические стандарты. В Гане не существовало других, внешних механизмов контроля качества вузов вплоть до 1993 года, когда были созданы первые соответствующие государственные органы.

Достижения и трудности

В начале 1990-х годов количество студентов в вузах резко увеличилось, из-за чего возросло и беспокойство о качестве. Законодатели решили взяться за обеспечение качества высшего образования, в результате чего законом №454 от 1993 года был создан Национальный совет по вопросам высшего образования (NCTE). Он стал главным контрольным органом в этой области и имеет совещательный статус при правительстве. В дополнение к этому в 1993 году Временный совет национальной защиты (название правительства Ганы во времена правления Национальной народной партии. — *Ред.*) принял указ №317 о создании Национального совета по аккредитации (NAB) — органа, обеспечивающего контроль качества высшего образования в стране. Впоследствии на смену этому нормативному акту пришел закон №744 «О Национальном совете по аккредитации» от 2007 года.

Подчинение как способ обеспечения качества стало использоваться в Гане и в постколониальный период.

Для усиления внешних механизмов контроля качества в условиях дифференцированной системы высшего образования был принят также ряд других законов. Законом №492 от 1993 года был создан Национальный совет по проведению профессиональных и технических экзаменов (NABPTEX), который контролирует деятельность политехов и отвечает за проведение профессиональных и технических экзаменов. Законом №778 был создан Национальный педагогический совет (NTC), который отвечает за контроль и повышение качества педагогического образования в стране. Все эти внешние механизмы контроля гарантируют людям высокое качество высшего образования, причем, как показало проведенное в 2012 году исследование о качестве высшего образования в англоязычных странах Западной Африки, сформировавшаяся в Гане

система внешних механизмов контроля качества образования является одной из наиболее стабильных в Африке.

Гана приложила существенные усилия для внедрения внешних механизмов контроля с целью повышения качества высшего образования, хотя на этом пути было много сложностей. Во-первых, регулирующие органы недостаточно хорошо обеспечены техническим персоналом и специалистами по контролю качества для того, чтобы регулярно проводить мониторинг. Инспекция вузов проводится раз в пять лет, да и то не во всех учебных заведениях. Во-вторых, количество вузов увеличивается быстрее, чем кадровые ресурсы регулирующих органов, что влияет на качество услуг, которые они предоставляют вузам. Наконец, несмотря на ограниченность ресурсов, некоторые функции дублируются разными органами. Например, учебные программы, которые получают аккредитацию Национального совета по проведению профессиональных и технических экзаменов, все равно должны проходить проверку Национального совета по аккредитации.

Заключение

Система контроля качества в Гане существенно эволюционировала: если раньше сохранялась структура колониального периода, при которой за контроль качества отвечали сами вузы, то теперь в ответ на потребности современного высшего образования появилась система внешних механизмов. Удалось достичь впечатляющего прогресса в создании различных внешних, дифференцированных агентств. Такая стратегия могла бы послужить полезным ориентиром для других африканских стран, работающих над укреплением системы обеспечения качества высшего образования. И все же в условиях стремительного расширения образовательного сектора регулирующие органы сталкиваются с серьезными трудностями, причиной которых являются их ограниченные возможности. Предстоит понять, удалось ли созданным в Гане внешним контролирующим органам действительно оказать положительное влияние на качество предлагаемого в стране высшего образования.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2018.94.10529>

Академический дрейф в китайских университетах прикладных технологий

Вэй Цзин, Энтони Уэлч

Вэй Цзин — аспирант факультета наук об образовании Тяньцзиньского университета, Китай. E-mail: weijing522@126.com.

Энтони Уэлч — профессор наук об образовании Сиднейского университета, Австралия. E-mail: Anthony.Welch@sydney.edu.au.

Приоритет превращения Китая в государство инноваторов не новый и является следствием долгосрочной национальной стратегии укрепления Китая через науку и технологии («кэцзяо синго»), а также через ученых («кэцзи жэньчай»). В результате такой политики у китайских вузов появилась новая миссия и новые обязательства. Это относится в первую очередь к новому типу вузов — университетам прикладных технологий (УПТ, по-китайски «инюн цзишу дасюэ»), которые должны сыграть особую роль в развитии взаимодействия между китайскими вузами и промышленными предприятиями. В то время как многие страны сталкиваются с проблемой академического дрейфа в технологических университетах, Китай решил провести крупную реформу и преобразовать более 600 вузов в УПТ, возложив на них конкретную миссию. В отличие от исследовательских университетов, УПТ должны сосредоточиться на содействии экономическому развитию регионов путем реализации совместных с малыми и средними предприятиями прикладных инновационных проектов. Ожидается, что благодаря такой ориентированности УПТ будут способствовать развитию высококвалифицированных профессионалов в сфере прикладных инноваций и диверсификации китайской системы высшего образования в целом. Впрочем, достичь заявленных целей оказалось гораздо сложнее, чем предполагалось. Детальный разбор стратегий и практик в четырех УПТ и будущих УПТ разного размера из разных регионов страны показал, что развитие инноваций через сотрудничество с местной промышленностью оказалось под ударом из-за академического дрейфа, что помешало выполнению поставленных первоначально целей.

Значение инноваций в китайском высшем образовании

Китайские вузы давно стали значимым двигателем науки и инноваций. Премьер Госсовета КНР Ли Кэцян настойчиво подчеркивает высокую степень

взаимозависимости между национальной системой инноваций и научной деятельностью вузов, благодаря которой Китай должен превратиться в страну инноваций. Действует политика поощрения инновационных предприятий, вузов и исследовательских центров во всех областях работы. Чрезвычайно стратегизированная система высшего образования в Китае функционирует таким образом, что университеты и колледжи, добившиеся успехов в сфере инноваций, получают больше денег и ресурсов. Одним из ключевых компонентов международных рейтингов является научная продуктивность, так что в условиях невероятной конкуренции в академической сфере преимущество получают передовые университеты Китая, которые привлекают лучших исследователей и чьи выпускники наиболее востребованы на рынке труда. Хотя приоритет инноваций признан и на национальном, и на региональном уровне, на практике все китайские вузы соревнуются друг с другом, несмотря на то что на УПТ возложена вполне конкретная миссия обеспечения инноваций в регионах путем сотрудничества с промышленностью.

Причины создания УПТ в Китае

В УПТ предполагается преобразовать более 600 колледжей и университетов, основанных после 1999 года и предлагающих бакалаврское образование (речь идет преимущественно о второсортных местных университетах и независимых колледжах). Сейчас они составляют существенную долю от примерно 2600 вузов, выдающих дипломы бакалавра. Как уже было упомянуто, создание УПТ — это важный инструмент диверсификации китайской системы высшего образования. В частности, они призваны готовить качественные технические кадры для удовлетворения постоянно меняющихся потребностей индустрии. Предполагается, что УПТ помогут снижению проблемы структурной безработицы в ключевых секторах промышленности и укрепят постоянно размывающиеся границы университетского сектора. В отличие от ведущих исследовательских университетов, занимающихся фундаментальными и ультрасовременными исследованиями, УПТ должны развивать инновации не через получение нового знания, а путем применения уже полученных знаний на практике и выстраивания сотрудничества с промышленностью, то есть заниматься инновационными процессами, повышающими компетенции высококвалифицированного технического персонала. Впрочем, детальные исследования УПТ указывают на серьезный академический дрейф, который приводит к отклонению от первоначальной миссии, ориентированной на промышленность и рынок.

Академический дрейф в УПТ

При академическом дрейфе наблюдается тенденция, когда молодые и специализированные вузы расширяют свою научную деятельность, чтобы подражать

крупным исследовательским университетам. Будучи одной из форм институционального изоморфизма, этот процесс зачастую приводит к тому, что прикладные знания, которые должны напрямую применяться в обычной жизни, постепенно теряют связь с практикой. Подобный академический дрейф выявлен по результатам обстоятельного исследования ряда УПТ. Изначально задумывалось, что УПТ будут заниматься инновациями в прямом сотрудничестве с предприятиями, однако на практике этого не происходит. Вместо этого сотрудники УПТ тратят почти все силы на написание научных публикаций и заполнение заявок на участие в масштабных национальных исследованиях, надеясь таким образом получить повышение. Академический дрейф стал следствием институциональных процессов, связанных с тем, что сотрудников поощряют по результатам их работы — например, если они публикуют научные статьи или участвуют в крупномасштабных исследовательских проектах национального уровня в сотрудничестве с региональными исследовательскими университетами центрального и западного Китая. Сотрудники получают чрезвычайно высокие денежные надбавки за каждую статью в журналах с высоким рейтингом и за участие в проектах национального уровня, в то время как меры поощрения за участие в совместных с индустрией проектах гораздо скромнее. Учитывая более низкую конкурентоспособность УПТ с точки зрения сотрудничества с индустрией (за советом или помощью предприятия предпочитают обращаться к хорошо известным исследовательским университетам), наблюдаемые контрпродуктивные процессы заставляют преподавателей УПТ перераспределять свои усилия, отклоняясь тем самым от своих первоначальных задач. Тем не менее более 90% респондентов из числа опрошенных сотрудников УПТ говорили, что их публикации довольно бесполезны, и признавали, что писали их путем компиляции идей из чужих статей.

В УПТ предполагается преобразовать более 600 колледжей и университетов, основанных после 1999 года и предлагающих бакалаврское образование.

Заключение

Академический дрейф в УПТ иллюстрирует фундаментальное противоречие между политическим курсом и практикой. Вместо того чтобы активно сотрудничать с промышленностью, используя прикладные технические знания, УПТ являют собой яркий пример организационной инертности, что связано преимущественно с давней макрополитической ориентированностью на научную деятельность. Научные и технические инновации имеют большой вес в университетских рейтингах, составляемых государственными и негосударственными организациями. Также в условиях инертной традиционной системы оценивания поощряются статьи и участие в научных проектах. До тех пор, пока политики не признают эти тенденции и не научатся контролировать их, академический дрейф будет мешать реализации исконной миссии УПТ.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2018.94.10530>

Автономия и публичность университетов в российской системе высшего образования

Андрей Волков, Дара Мельник

Андрей Волков — научный руководитель Московской школы управления СКОЛКОВО. E-mail: andrei_volkov@skolkovo.ru.

Дара Мельник — научный ассистент Центра по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже (США). E-mail: melnykd@bc.edu.

Мы живем в лучшую для преобразования университетов пору, когда многие страны, включая Россию, стремятся к тому, чтобы вывести свои университеты с национального уровня на глобальный. Для этого крайне важно, чтобы руководители вузов могли мыслить независимо и стратегически, а это возможно только при достаточном уровне автономии.

Историческая справка

На протяжении 300-летней истории российского высшего образования уровень автономии университетов много раз менялся. Первоначально в России ориентировались на германскую модель, и уставы первых в стране университетов предполагали довольно

высокий уровень автономии, что существенно отличало их от остальных казенных учреждений Российской империи. К середине XVIII века университеты стали «рассаdnиками либерализма», поэтому император Николай I существенно урезал их права, чтобы не дать этой тенденции развиваться. Его сын Александр II фактически восстановил изначальный (относительно высокий) уровень самостоятельности вузов в рамках своей политики европеизации.

В 1920-х годах советская власть взялась за перекаривание всех социальных структур, включая высшее образование. Университеты были лишены права самостоятельно вести свои дела, был введен централизованный контроль за содержанием учебных программ, финансами, выдачей дипломов, приемом абитуриентов, системой управления и назначением преподавателей. В то время не стоило и мечтать об автономии вузов или независимом стратегическом мышлении. Холодная война и гонка вооружений заставили правительство СССР пересмотреть подход к подготовке ученых и инженеров. Была создана группа вузов, которые получили особые права в области управления и составления учебных программ. Среди этих вузов были, например, МФТИ («Физтех») и МИФИ.

Период, последовавший за распадом Советского Союза, можно охарактеризовать как «необузданные девяностые»: вузы, совершенно к тому неготовые, неожиданно получили самостоятельность. Доля молодежи, получавшей высшее образование, взлетела с 17% до 60%, а количество «псевдоуниверситетов» росло как на дрожжах, потому что «университетом» называло себя практически каждое учебное заведение уровня выше средней школы. Одновременно с этим неслыханных масштабов достигла утечка мозгов. Российские вузы, получившие беспрецедентную автономию и потерявшие многие обязательства по отчетности, оказались в ситуации хаоса.

В начале 2000-х годов образовательный ландшафт начал меняться. Многие вузы получили серьезные ресурсы и новый статус в обмен на обязательства по дальнейшему развитию. Одна за другой сформировались группы элитных вузов (включая знаменитый Проект повышения конкурентоспособности ведущих российских университетов, или Проект 5-100).

На протяжении 300-летней истории российского высшего образования уровень автономии университетов много раз менялся.

Это вузы, которые решительно вырвались из организационной апатии, причем некоторые из них удачно воспользовались этим моментом для переосмысления собственного образа. (Важно, что в это же время началось и ослабление федеральных стандартов.) По сути, все эти инициативы предоставили вузам условия для развития. Однако полноценное развитие невозможно без подлинной автономии — и без стратегической готовности ею пользоваться.

Цена автономии

Автономия не означает, что вузы могут делать все, что им заблагорассудится. Автономия имеет свою цену, которая выражается в том, что вузы должны нести ответственность за свои решения и отчитываться за них перед причастными сторонами — студентами, выпускниками, преподавателями, а также перед обществом в целом. Когда университет самостоятельно отвечает за свои поступки и цели, ученые сами выбирают, что изучать или что и как преподавать, а студенты сами разрабатывают учебный план, становится трудно валить все на «систему».

Тот факт, что на протяжении большей части своей истории российские вузы были лишены автономии, повлек за собой хроническое неумение стратегически мыслить и привел к тому, что миссии вузов часто совершенно формалистичны и бессмысленны. Все это вызвало снижение статуса университетов в глазах общества: если сам вуз не воспринимает себя всерьез, то с чего бы общество должно это делать? С другой стороны, совершенно нерегулируемая система высшего образования обречена на хаос, в то время как продуманная регуляторная политика очень благоприятна для роста. К примеру, упомянутый выше Проект 5-100, нацеленный на повышение международной конкурентоспособности передовых российских университетов, уже стал сильным катализатором инноваций в сфере высшего образования.

1990-е годы, на которые и пришлась волна «псевдо-университетов», научили Россию бояться того, что если вузы вдруг получат больше автономии, то они совершенно забудут о своих обязательствах и качество образования резко упадет. Традиционно принято считать, что автономия и ответственность находятся на противоположных концах спектра, что они противоречат друг другу и что выбор чего-то одного в ущерб другому неизменно ведет к провалу: высокий уровень автономии и ноль обязательств ведут к злоупотреблению общественным доверием, а низкий уровень автономии и сильная подотчетность — к развитию имитационной деятельности в образовании и науке.

Автономия и ответственность

Впрочем, описанные выше традиционные представления — это вовсе не единственная трактовка баланса между автономией и ответственностью. Университеты могут одновременно быть автономными и нести

высокий уровень ответственности. Что нужно, чтобы добиться этого в условиях российского высшего образования?

Во-первых, нужно стимулировать ведущие университеты к тому, чтобы они чаще использовали свое право самостоятельно определять учебную программу, выбирать язык обучения, устанавливать правила приема и стоимость обучения.

Во-вторых, нужно перейти к системе конкурсного долгосрочного финансирования в форме зависящих от результатов деятельности вузов единовременных субсидий. Пока российское правительство распределяет бюджет постатейно, то есть возможности по использованию вузами полученных средств строго ограничены, сложившаяся система тормозит стратегические инвестиции и смелые проекты.

В-третьих, университеты должны принимать меры по диверсификации доходов. Пока ведущие вузы живут в условиях роста государственного финансирования, конечно, им необходимо помогать, чтобы повысить качество высшего образования в России. Но зависимость от одного источника финансирования ограничивает автономию вузов и их возможности по саморегулированию.

В-четвертых, нужна децентрализация стратегического планирования — им не должен заниматься только какой-то один централизованный орган, наделенный правом последнего слова при принятии решений о стратегии того или иного университета. Людям свойственно ошибаться, а вероятность того, что централизованный орган совершит стратегическую ошибку, которая скажется на всех вузах страны, очень высока. Напротив, эксперименты на местах способствуют инновациям и при этом не могут повлиять на весь сектор. В России в этом плане стоило бы развивать местные попечительские советы, в которые войдут и внешние люди, и представители ключевых заинтересованных сторон. Это будет способствовать укреплению связей между руководством вуза и обществом, студентами, выпускниками и преподавателями. Пока попечительские советы занимаются в российских университетах разве что аудитом, потому что большая часть их времени уходит на изучение и одобрение различных финансовых и юридических операций. Вместо этого они должны обеспечивать прозрачность вузов. Чтобы все это стало возможно, нужно, помимо прочего, дать попечительским советам право выбирать, назначать и увольнять исполнительное руководство вузов.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2018.94.10531>

Конкурентные стратегии вьетнамских вузов

До Минь Нгок

До Минь Нгок — преподаватель менеджмента факультета менеджмента и туризма Ханойского университета (Вьетнам). E-mail: ngocdm@hnu.edu.vn.

Неотступное стремление вьетнамского правительства обновить национальную систему высшего образования привело к запуску Стратегии реформирования высшего образования на 2006–2020 годы, в рамках которой университетам и колледжам была дарована институциональная автономия, благодаря чему они получили возможность самостоятельно решать финансовые вопросы и определять свои размеры. Реализация этой стратегий подходит к концу, вузы завершили запланированный на 2014–2017 годы пилотный проект, и уже пора начать рефлексировать об изменениях, необходимых для дальнейшего движения вперед и для обеспечения устойчивого развития высшего образования.

Революционный курс

После запуска в 1986 году политики «Дой Мой» (политики обновления) вьетнамская система высшего образования претерпела колоссальные изменения: государство лишилось своей монополии на контроль за высшим образованием, стало возможно создавать частные колледжи и университеты. Тем не менее научные организации по-прежнему являются субъектами централизованного планирования и в финансовом плане зависят от государственного бюджета. Понимая, что в условиях рыночной экономики перемены, направленные на повышение качества вузов, неизбежны, правительство Вьетнама приняло в 2005 году уже упомянутую выше стратегию (которая также известна как резолюция 14/2005/NQ-CP). Один из основных элементов этой стратегии заключается в том, что вузам позволено самостоятельно устанавливать количество студентов и составлять учебные программы, а также заниматься финансовым планированием. В целом общество и вузы хорошо восприняли новую стратегию, и считается, что полноценная реформа высшего образования действительно удастся. В результате реализации этой стратегии вузы Вьетнама стали независимыми, а качество исследователей и преподавателей повысилось.

Хотя государство продолжает частично финансировать высшее образование, конечной целью остается автономия вузов, что подтвердил заместитель премьер-министра в ходе недавней конференции, посвя-

щенной итогам пилотного проекта 2014–2017 годов. В конце концов вузы станут неотличимы от негосударственных предприятий. Поэтому в этой статье я постараюсь проанализировать стратегии вузов с точки зрения стратегического менеджмента. Если смотреть в целом, университеты обслуживают преимущественно «местного потребителя» (вьетнамских студентов), а их стратегии — и на корпоративном уровне, и на уровне бизнеса — нацелены на обеспечение роста и расширения.

Стратегия корпоративного уровня

На корпоративном уровне многие вузы используют стратегию сотрудничества, что выражается в развитии совместных с иностранными партнерами образовательных программ. Это стало результатом государственной политики 1987 года по поддержке международного сотрудничества с целью диверсификации источников финансового обеспечения высшего образования. Впервые такое сотрудничество началось в 1998 году, и с тех пор количество международных образовательных программ постоянно растет. Есть совместные программы разного уровня: где-то можно получить только сертификат об обучении, где-то — диплом бакалавра или магистра, бывают даже совместные международные PhD-программы. Студенты, которые обучаются на таких программах, платят очень много, и за это они получают доступ к иностранным учебным программам, дипломы иностранных вузов и могут провести половину срока обучения за пределами Вьетнама. Такие программы являются для вузов важным источником дохода, способствуют повышению качества, улучшению репутации и привлечению новых абитуриентов.

Стратегии бизнес-уровня

Выход на рынок сбыта — это подход, направленный на повышение продаж уже имеющейся услуги на сложившемся рынке, то есть просто увеличение числа студентов существующих образовательных программ. Вьетнамские университеты и колледжи год за годом расширяли прием. В 1999–2013 годах общее число студентов в стране существенно выросло благодаря государственной политике улучшения качества кадров на рынке труда. Тем не менее систематически проблемой несоответствия кадров потребностям рынка никто не занимался.

Стратегия освоения рынка предполагает вывод имеющихся услуг на новые рынки, то есть привлечение новых абитуриентов на уже действующие образовательные программы. Так, вьетнамские вузы начали преподавать своим студентам некоторые курсы на английском языке и стали принимать туда иностранных студентов, которые теперь учатся бок о бок с местными. Привлечение иностранных студентов объявлено правительством приоритетным направлением

работы. В связи с этим проводятся специальные инициативы: например, в 2008 году начал реализовываться дорогой проект по англоязычному обучению в бакалавриате и по привлечению во Вьетнам известных иностранных профессоров, а недавно университеты получили право самостоятельно устанавливать требования к иностранным абитуриентам. Тем не менее масштабному привлечению международных студентов и ученых мешает то, что выбор курсов на английском довольно узок, а их качество — не очень высокое.

Стратегия разработки новых продуктов включает разработку новых услуг и их вывод на сложившийся рынок — в нашем случае речь идет о разработке новых учебных курсов для местных студентов. Большинство вьетнамских университетов и колледжей использует именно этот подход. Вузы во Вьетнаме делятся на монопрофильные и многопрофильные, причем количество многопрофильных университетов в последнее время выросло. Все время разрабатываются новые программы для привлечения дополнительных студентов. Это отражает тот факт, что вьетнамские университеты и колледжи ориентируются в первую очередь на преподавание, поскольку их основным источником дохода являются деньги, собранные со студентов.

Стратегия диверсификации продукции — это выход на новые сегменты рынка с новыми услугами. Эта стратегия по обслуживанию новых групп учащихся: многие университеты стали предлагать образовательные программы для взрослых (это могут быть языковые курсы, компьютерные курсы, курсы по развитию каких-то практических навыков и т.д.). Одновременно с этим некоторые вузы стремятся выйти, наоборот, на более юных учащихся или захватить новые сегменты рынка. Так, в состав Ханойского национального педагогического университета входит гимназия для одаренных детей, средняя школа «Нгуен Тат Тхань» и детский сад «Буп Сен Сянь». А Университет Хоа Сен недавно открыл Центр иностранных языков и обучения за рубежом, куда могут приходить и взрослые, и дети (ученики начальной, средней, старшей школы) и где они могут выучить английский или получить консультации по обучению за рубежом.

Проблемы неоперившихся птенцов

Пока основным ориентиром для вьетнамских вузов были приоритеты правительства, то есть их действия были скорее реактивными, чем проактивными. Поскольку вузы слишком долго являлись частью централизованной системы, они испытывают управленческие проблемы, которые мешают им адекватно отвечать на запросы рынка труда и двигаться в сторону международных стандартов. Если вьетнамские вузы наконец получат полную автономию, они окажутся в положении птенцов, выпавших из гнезда —

из безопасной зоны, в которой решением всех проблем занималось государство. Кто-то упадет и разобьется, а кто-то научится летать и взмоет вверх. Пока этого не случилось, государству следует и дальше «затягивать дыры» национальной системы высшего образования с целью обеспечения гладкого перехода к полной автономии вузов.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2018.94.10532>

ИНИИ НИУ ВШЭ

Институт институциональных исследований НИУ ВШЭ (ИНИИ) осуществляет фундаментальные и прикладные исследования в области институционального анализа, экономики и социологии высшего образования и науки на основе мировых академических стандартов.

ИНИИ интегрирован в международную сеть исследователей высшего образования и сотрудничает с зарубежными экспертами в рамках сравнительных научно-исследовательских проектов в области развития высшей школы и социальной политики в сфере образования. В рамках долгосрочного сотрудничества с Центром по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже (США) ИНИИ осуществляет издание русскоязычной версии бюллетеня «Международное высшее образование».

<http://cinst.hse.ru/>

«Международное высшее образование» — русскоязычная версия информационного бюллетеня International Higher Education (Бостонский колледж, США), издается НИУ ВШЭ с 2014 года ежеквартально.

Переводчик — Галина Петренко

Редактор перевода — Лариса Тарадина

Корректор — Ольга Першукевич

Дизайн, верстка — Владимир Кремлёв

Руководитель проекта — Мария Юдкевич
yudkevich@hse.ru

Координатор проекта — Наталья Денисова
ndenisova@hse.ru

101000, Москва,
ул. Мясницкая, д. 20

Е-mail: ihe@hse.ru

Сайт журнала: www.ihe.hse.ru

ВЫПУСК

94

Лето
2018

